

Валерия Вербинина

*Кольцо
с тайной надписью*

Его величество случай

Валерия Вербинина

Кольцо с тайной надписью

«Автор»

2014

Вербинина В.

Кольцо с тайной надписью / В. Вербинина — «Автор»,
2014 — (Его величество случай)

ISBN 978-5-699-70342-5

Сотрудница полиции Лиза Синеокова отлично помнила тот ложный вызов: Маша Олейникова умоляла взломать дверь в квартиру ее подруги Насти, не отвечавшей на телефонные звонки и стук в дверь. Каково же было удивление полицейских, когда они обнаружили живую и здоровую Настю – ей просто надоела навязчивая приятельница. И вот новый вызов по знакомому адресу! На этот раз самый настоящий – девушку обнаружили зарезанной... Прослушав автоответчик погибшей, Лиза и ее напарник Павел убедились, что та была весьма любвеобильной особой: помимо официального жениха параллельно встречалась сразу с несколькими любовниками! Один из них оказался реставратором, которому Настя недавно передала доставшуюся ей от прадеда картину...

ISBN 978-5-699-70342-5

© Вербинина В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1. Откройте, полиция	6
Глава 2. В случае убийства набирайте ноль два	11
Глава 3. Очень непростые смертные	17
Глава 4. Большие маневры	22
Глава 5. Мобильник – друг человека	27
Глава 6. Дама без попугая	32
Глава 7. Опасные связи	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерия Вербинина

Кольцо с тайной надписью

Автор предупреждает, что все действующие лица, а также названия улиц и прочие элементы сюжета, упомянутые в повествовании, вымышлены. Поэтому любые совпадения данного текста с реальностью являются непреднамеренными и абсолютно случайными.

Глава 1. Откройте, полиция

Раз уж мне все равно надо с чего-то начинать этот роман, то начну я его с того, что моя жизнь не удалась.

Во-первых, буквально только что, набирая предыдущую фразу, я сломала ноготь. Это, конечно, не самое большое невезение в моей жизни, но тем не менее очень показательное.

Во-вторых, бизнесмен Юрий Арбатов, который последние несколько месяцев только и делал, что клялся мне в земной, а также неземной любви, недавно появился в светской хронике в обнимку с красавицей моделью. Впрочем, и это тоже не самое большое невезение – по крайней мере, пока у меня есть Паша.

В-третьих, мой предыдущий роман, на написание которого я потратила не один месяц, прошел незамеченным. Мало того, была распродана лишь тысяча экземпляров из минимального трехтысячного тиража.

И в-четвертых, я всегда восхищалась актером Фортунатовым, а между тем вскоре мне придется арестовать его. Вчера на пешеходном переходе он сбил девушку, которая скончалась на месте, а сам скрылся с места происшествия.

Пока вы, мой единственный и неповторимый читатель, не запутались окончательно, поясню: прежде всего, я действительно работаю в полиции. Романы я сочиняю в свободное от работы время, из-за чего коллеги, не сговариваясь, дразнят меня «писательницей». О том, кто такой Юрий, вы можете подробнее прочитать в моей первой книге «Где-то на земле есть рай»¹, потому что говорить о нем сейчас у меня нет ни малейшего желания. А что касается Паши (о, как вы любопытны!), то его быстрые шаги я как раз в это мгновение слышу за дверью.

Капитан Павел Ласточкин – мой напарник, мой наставник и мой ангел-хранитель по совместительству. А вообще я, кажется, немножечко в него влюблена, а может быть, даже и не немножечко. Проблема в том, что у меня есть некоторое предубеждение против служебных романов, которые в большинстве случаев заводят от скуки и нежелания далеко ходить. Кроме того, сам Паша всегда относился ко мне по-товарищески, и я боюсь все попросту испортить, если попытаюсь перевести наши отношения в другую плоскость.

Войдя, Паша метнул на меня быстрый взгляд и махнул, как флагом, бумажкой, которую держал в руках.

– Лиза! Едем!

– На задержание? – зачем-то спрашиваю я, хотя все и так понятно.

Паша кивает.

– Будет нелегко, – пророчу я.

Ну вот зачем, зачем я это сказала? Как будто меня кто-то дергал за язык...

Мы заперли кабинет, спустились вниз и сели в машину. Всю дорогу, пока мой спутник вел автомобиль, я думала об актере Александре Фортунатове – талантливом дебошире и пьянице, который мог с блеском сыграть любую роль – хоть первого, хоть второго, хоть десятого плана. Режиссеры обожали его, женщины, которых он менял, как не меняют даже перчатки, то раздавали многословные интервью о том, как они его ненавидят, то клялись в любви и рассказывали умильные истории о совместной жизни. Но никому не удастся все время ходить по криминальной черте и не переступить ее, и вот вчера, выпив больше, чем следовало, Фортунатов перешел эту черту, убив человека.

– Он дружит со знаменитым адвокатом... – подала я голос, когда мы подъезжали к дому, где жил актер.

– Знаю, – отрезал Ласточкин.

¹ В. Вербинина. Где-то на земле есть рай. М.: Издательство «Эксмо», 2013.

– А отец его нынешней подруги...

– Зна-ю!

Тон моего напарника выдавал раздражение, но я все же рискнула продолжить:

– Ты понимаешь, что его все равно выпустят через несколько часов? А нам же еще и надают по шее за то, что мы его арестовали... даже несмотря на то, что есть официальная бумага... и запись с камеры наблюдения, которая уже попала в Интернет. А на ней отчетливо видно, что за рулем в момент наезда был именно Фортунатов.

Какой русский не любит быстрой езды, справедливо заметил классик. Однако Гоголь забыл дописать вторую часть фразы: по чужим головам...

– Лиза, – невпопад ответил Ласточкин, – знаешь, какой бы я выбрал девиз, если был бы одним из мушкетеров... или хотя бы французским дворянином?

– Какой? – пробормотала я.

Мой напарник блеснул глазами.

– Делай, что должен, и будь, что будет, – объявил он. – Думаешь, я и сам не понимаю, к чему все идет? Для начала этот красавец запрется за железной дверью и не пустит нас в дом, да еще попытается поднять скандал и обвинить нас в чем-нибудь. Все эти гаденыши, которые сбивают человека насмерть и потом удирают, одинаковы. Жалкие трусы!

– А тебе бы пошла форма мушкетера, – не удержалась я от замечания, когда мы вышли из машины и зашагали к дому.

– М-м, – неопределенно отозвался Паша, почесывая висок. – Знаешь, у меня такое впечатление, что те времена были ничем не лучше наших. Это в кино все выглядит так романтично... да еще Дюма создал целый мир, который засасывает так, что реальность по сравнению с ним кажется совсем бледной... Ну, ты же сама писательница, ты понимаешь...

Из подъезда вышел очень молодой и очень высокий человек, который нес на руках крошечное печальное существо, больше похожее на эльфа или обезьянку, чем на собачку, которой, собственно, оно и являлось. Ласточкин придержал дверь, и мы зашли.

– Квартира шестьдесят пять... Восьмой этаж, – сказал он, скользнув глазами по едва различимому поэтажному списку квартир над лифтом.

Знаменитый актер Фортунатов, прямо скажем, не шикавал, по крайней мере в том, что касалось его жилья. Да, неплохой дом еще советской постройки, да, дверь подъезда на домофоне... Но, кроме этого, ничего особенного я не заметила. Даже консьержки и той не было.

Дверцы лифта раскрылись со странным пощелкивающим звуком, и мы вышли. Все четыре двери на этаже были железные, но самая устрашающая, самая дорогая оказалась у номера шестьдесят пять. Рядом с ней на свежеекрашенной стене кто-то отчетливо вывел: «Фортунатов казел».

– Интересно, адвокат уже приехал? – задумчиво пробормотал Паша.

И нажал на кнопку звонка.

– Он мог и просто сбежать, – заметила я, имея в виду актера. – Я смотрела в Интернете – он недавно купил дом в Юрмале.

Паша позвонил еще раз, и еще один. В ответ с той стороны двери не донеслось ни звука, зато соседняя железная дверь неожиданно приотворилась, и наружу выглянуло человекообразное существо в тренировочных штанах, пузырящихся на коленках, и майке, которую в советские времена не в бровь, а в глаз именовали «алкоголичкой». Винно-водочное амбре, исходящее от существа, могло запросто уморить всех тараканов в радиусе нескольких километров.

– О, – радостно осклабилось существо, – менты! А я-то думал, когда вы появитесь...

– Вы сосед Александра Викторовича Фортунатова? – спросила я по извечной полицейской привычке на всякий случай уточнять то, что и так было ясно с самого начала.

– Так точно, – закивало существо. – Сосед... ик! А ты что, тоже из ментов, что ли? Нашла где работать...

– Представьтесь, пожалуйста, – вмешался Паша.

– Да пожалуйста, – пожало плечами существо. – Столяров я, Адольф Иванович.

– Адольф?.. – переспросила я, озадаченная.

– Ну так, – мрачно ответил сосед Фортунатова. – 1939 год, пакт о ненападении, все дела. Дружба с Германией, ага. Родители, тудыть их в качель, решили соригинальничать... А мне, между прочим, жить с этим именем пришлось.

– Всю жизнь горе заливаете? – спросил Паша, прищурившись.

– Во! Вот ты понял, что к чему, – объявил Адольф, важно подняв толстый палец. – Как же мне не пить-то? Всю жизнь имя мне исковеркало, чтоб его... Назвали бы меня Иваном, как отца, так, может, я совсем другим бы человеком стал.

Против этого решительно ничего нельзя было возразить.

– Часто, наверное, с Александром Викторычем распивали? – предположил капитан Ласточкин.

– А то как же? – расцвел сосед. – Я тебе вообще так скажу: я себя считал человеком бывалым, но за актерами этими... не угонишься! Так пьют, так пьют... Не просыхают!

– Ты случаем не в курсе, куда он мог свалить? – как бы между прочим осведомился Паша.

– В смысле, от вас свалить? – хмыкнул Адольф. – Да много куда. Дача у него в Подмосковье, дом он себе недавно в Юрмале прикупил. Все ворчал, что в Москве купить приличное жилье – застрелишься, проще приобрести хоромы в Португалии какой-нибудь или Испании. Сам-то он из этого, из Хибаровска приехал... Хибаровска то есть...

– Да? – не удержалась я. – А во всех интервью говорил, что коренной москвич...

Паша метнул на меня быстрый взгляд, и я поспешно прикусила язык.

– Да он много чего говорил, – равнодушно пожал плечами Адольф. – Все эти актеры – те еще болтуны... Ему сегодня утром позвонили, а потом, наверное, он уехал.

– Кто звонил? – рассеянно спросил Паша, разглядывая железную дверь квартиры шестьдесят пять.

– Да откуда ж мне знать? В дверь ему позвонили, а потом я больше ничего не слышал.

Капитан повернулся ко мне, и я поразились тому, какой у него внезапно стал сосредоточенный, напряженный взгляд.

– Лиза...

Я насторожилась.

– Дверь открыта, – сказал мой напарник. Он тронул ручку, и железная дверь действительно приотворилась.

– Он что, так спешил, что забыл ее запереть?.. – начала я.

Адольф засопел и с хрустом почесал грудь под майкой.

– Он че, дверь не запер? Ну дела...

– Такого за ним раньше не водилось? – быстро спросил Паша.

– Да вы че? Он ее запирал и сто раз проверял, закрыто ли... Да и меня просил по-соседски присматривать, не шляется ли кто... а то всякие бывают... Моя сестра к себе однажды по дури впустила каких-то сектантов, которые брошюрки разносят, так ее через неделю обчистили... а кто навел? Наверняка эти и навели...

За железной дверью обнаружилась вторая дверь, попроще, обитая дерматином. Паша, хмурясь, достал из кармана тонкую перчатку, надел ее, чтобы не смазывать возможные отпечатки пальцев, и потянул за ручку. Эта дверь тоже оказалась незапертой.

– Лиза, на всякий случай: держись сзади, поняла? Мало ли что...

Он договаривал, уже стоя в коридоре.

А в следующее мгновение мы увидели труп и сразу же поняли, кому он принадлежит (выражаясь языком штампов). Потому что мертвые вообще-то не принадлежат никому, кроме смерти.

Через полчаса квартира усопшего Фортунатова А. В. напоминает гудящий улей. Здесь и фотографии, и криминалисты, и эксперты, а кроме того – следователь Стас Зарубин, который и будет вести расследование. Наше с Ласточкиным дело маленькое – мы обнаружили убитого, дали знать куда следует, а дальнейшее, судя по всему, нас не касается. Гибель знаменитого актера – сенсация хоть куда и карьерный взлет сулит немалый, так что и без нас найдутся охотники раскрыть, кому Александр Фортунатов успел так сильно насолить, что его прикончили.

Мы с Пашей переминаемся с ноги на ногу на кухне, куда нас оттеснили коллеги, работающие на месте преступления. Грязь тут царит впечатляющая. Мойка завалена немытой посудой, на столе – остатки то ли завтрака, то ли ужина и чашка с недопитым кофе, криво поставленная на блюде.

– А ночевал он один, – задумчиво произносит Паша, поглядывая на стол.

В кухне как-то ощутимо темнеет – не потому, что сегодня разразилась неожиданная гроза, а потому, что на пороге показался Стас. Он высокий, темноволосый и, как написала бы «авторша дамских романов», «интересный мужчина». Стас покосился на нас с Ласточкиным, и в глазах следователя, бог весть отчего, мелькнули смешинки.

– Поражаюсь я вам, дамы и господа, – уронил он в пространство. – Ехали на задержание, а обнаружили труп. Честное слово, такое только с вами случается, везучие вы мои!

– Хорош ржать, – одернул его Паша. – Короче, в комнате лежит сотовый убитого. Сбив девушку, он вчера в панике звонил по всем телефонам, – посмотри, сколько там исходящих звонков. Не знаю, что он в итоге решил, не исключено, что бежать. Однако сегодня утром к нему в квартиру пришел кто-то, и этот кто-то, как я полагаю, его и убил. Судя по следам на руках жертвы, имела место драка, в результате которой актер получил перелом шеи и вскоре скончался. Возможно, убийство было непреднамеренным, но это все равно убийство. Кроме того, не исключено, что гибель Александра Фортунатова напрямую связана со вчерашним происшествием, то есть кто-то решил отомстить за девушку, которую он убил.

– А то я без тебя сообразить не мог! – задорно парировал ершистый Стас. – Мне уже рассказали, что жених погибшей девушки клялся найти водителя и замочить его, как собаку. Кроме того, у нее отец – бывший военный, да еще родной брат имеется, а на братце висит дело о нападении на человека. Одним словом, есть из кого выбрать подозреваемого...

– Что, все так прозрачно? – хмыкнул капитан. – Ну что ж, Стас, поздравляю. В кои-то веки все ясно и все понятно...

– Ну да, только вот Лизавете горе, – заметил неисправимый следователь, косясь на меня. – И о чем только наша Синеокова будет свой следующий роман писать? С ходу ясно, где искать убийцу и какими мотивами он руководствовался...

– И не говори, – поддержал его Паша. – Что за люди пошли – ни стыда, ни совести!

– Это не смешно, – сказала я стальным голосом. Хотя в реальности, вероятно, он скорее напоминал голос обиженной девочки.

– В любом случае это отличное начало для романа, – не унимался Стас. – Первая глава – убийство знаменитого актера, во второй прихлопнуть еще кого-нибудь...

– Следователя, – сухо промолвила я. – Он слишком близко подошел к убийце, который не хотел, чтобы его разоблачили.

– Елизавета Владимировна! – расхохотался Стас. – Ну я вас умоляю, это же несерьезно... Все очевидно: налицо чистая месть, и замешаны либо брат, либо жених, либо отец. Жених слишком сильно сотрясал воздух, значит, это не он – скорее всего. У кого вся энергия уходит в слова, того обычно уже не хватает на действия. Значит, брат или отец. Сейчас я повторно допрошу этого Адольфа, установим точное время, когда к актеру наведился непрошенный гость, и будем трясти подозреваемых на предмет алиби. Главное – свидетели и видеозаписи: камеры

наблюдения, видеорегистраторы и прочее. Хотя кто-нибудь должен был засечь убийцу, когда он подходил к дому или входил в подъезд...

– Ты только самое главное не забудь, – посоветовал Ласточкин.

– Ты это о чем? – поднял брови Стас. Тут уж даже «авторша недамских романов» не удержалась бы от искушения написать, какой он интересный мужчина.

– А сам подумай: с какой стати нашему Фортунатову, который после несчастного случая наверняка был весь на нервах, впускать в дом кого-то постороннего? На мой взгляд, это и есть самый главный вопрос. И когда ты поймешь ответ на него, то поймешь и все остальное.

Глава 2. В случае убийства набирайте ноль два

– Думаешь, убийство никак не связано со вчерашним наездом? – не удержалась я, когда мы сели в машину.

Паша хмуро покосился на меня, между его бровями пролегли тонкие морщинки.

– Да нет, Лиза. Это я так, умничал, чтобы сбить со Стаса спесь. На самом деле есть сто тысяч способов войти в квартиру, даже если владелец этого не хочет. Самые простые: перед вами представитель управляющей компании, слесарь, электрик, водопроводчик... Я собираю подписи под бумагой... ну, не знаю... хотя бы насчет благоустройства двора... расширения парковки, например... Так что не так уж это важно. Каким бы образом этот человек ни проник внутрь, он убил Фортунатова. А что касается причины убийства...

Ласточкин дал задний ход, и мы наконец с тысячью предосторожностей выехали из узкого двора.

– Самое тяжелое в нашем деле, – продолжал капитан, – это не какой-нибудь мерзавец отпетый, которого никак не получается посадить, а обычный, в общем-то, человек, который вот так пропадет ни за что. То есть понятно за что, – поправился он, – за убийство, но... понимаешь, у каждого же из нас есть люди, которые настолько нам дороги, что мы на все готовы ради них... Я не знаю, кто это окажется – отец, или брат, или жених погибшей девушки. Но убийство громкое, резонансное, и, конечно, уйти преступнику не дадут...

На очередном перекрестке мы стали. В воздухе струился тополиный пух. Я чихнула и недовольно мотнула головой. Группа «Бармаглот» закончила протирать через сито свой очередной хит, и диктор, с пулеметной скоростью выплевывая слова, поспешил осчастливить нас сообщением, что в мире все прекрасно, только вот пара ураганов унесла больше жизней, чем обычно, англичане всерьез собираются клонировать Шекспира, а на юге африканской республики Ням-Ням, похоже, вновь разгорается гражданская война, которая то затухает, то полыхает там последние лет триста. Наши спортсмены, как всегда, благополучно осрамились во всех видах спорта, а те, кто не осрамился, уже давно не наши. Кажется, найдено очередное лекарство от СПИДа, только вот незадача – оно, как и все предыдущие, никого не лечит, но тем не менее прогресс налицо, потому что ясно, что, раз это лекарство тоже никакое, значит, есть шанс когда-нибудь все-таки найти то, которое нужно. Криминальная хроника: получены доказательства того, что труп, найденный в лесном массиве на востоке Московской области, принадлежит Ларисе Востриковой, жене топ-менеджера банка «Золотая столица».

– Черт! – вырвалось у Ласточкина. Капитан прибавил звук, и преувеличенно бодрый голос диктора заполнил салон.

– ... убита выстрелом в голову, как и предыдущие жертвы похищения. Напоминаем нашим слушателям, что Лариса Вострикова была похищена шестого июня этого года. Похитители запросили за жену Германа Вострикова восемь миллионов долларов. Об условиях обмена бизнесмен незамедлительно известил правоохранительные органы... Совместно с ОМОНОм был разработан план задержания бандитов... К несчастью, они поняли, что их заманили в засаду, и открыли ожесточенный огонь... Было убито трое полицейских, а также сам Герман Востриков, который согласно условиям обмена должен был передать деньги. Бандиты скрылись вместе со всей суммой выкупа...

– Паша! – укоризненно шепнула я. Сзади уже вовсю гудели машины, чьи водители были недовольны тем, что мы не трогаемся с места, хотя свет давно сменился на зеленый.

– Ну хорошо, хорошо, – проворчал Ласточкин.

Машина покатила по шоссе. За это время диктор успел взвесить евро и доллар, посулил на завтра безоблачную погоду с возможным дождем и градом, а также магнитную бурю, неприятности для Козерогов, которые родились в тринадцатом часу в пятницу, и наконец, обесси-

ленный, захлебнулся и умолк, уступив место рекламе утюгов заграничной фирмы «Хлам». За рекламой последовал «Час книгочеч», передача о модных новинках книжного рынка. Как и следовало ожидать, бестселлером номер один был объявлен роман модного японского писателя Накося Выкуси «Любовники безлунной ночи», повествующий о том, как однажды ночью в заснеженном Токио герой встретил говорящего синего крокодила и что из этого вышло. Крокодил изрекал высокие истины, недоступные скудному разуму большинства смертных, и между прочим сообщил герою, – разочарованному меланхолику средних лет с ярко выраженной тягой к лопоухим женщинам, – что смысл жизни вовсе не в деньгах или власти, как думают некоторые, а в большой и чистой любви. Следуя советам своего синего друга, герой проникся любовью к лопоухой наследнице обувного дела, женился на ней и занялся производством ботинок из крокодиловой кожи. «Любовники» заканчивались душераздирающей картиной того, как в безлунную ночь герой смотрел на только что изготовленные ботинки из кожи своего приятеля, высокомудрого синего крокодила, и плакал, в то время как его жестокосердная жена в соседней комнате занималась любовью с большим колючим кактусом. Роман был единодушно признан шедевром за глубокий философский, метафизический и психологический подтекст, не говоря уже о его социальном и моральном значении. Однако капитан Ласточкин, очевидно, не питал симпатии к синим крокодилам и пишущим о них японцам, потому что не стал слушать очередные славословия в адрес Накося Выкуси и выключил радио. Мой напарник был мрачен и не глядел на меня.

– Значит, ее тоже убили, – проговорил он наконец. – Вот невезуха!

– Ты жену Германа Вострикова имеешь в виду? – на всякий случай уточнила я. – А ты что, ожидал чего-то другого? Они ведь и до этого уже похищали людей два раза и никого не оставляли в живых.

– Не два, а три, – буркнул Ласточкин. – Невнимательно сводки читаешь, Лизавета Владимировна!

– По-моему, мы с самого начала договорились, что ты называешь меня просто Лиза, – заметила я. – А что касается того дела, готовящуюся операцию по задержанию банды держали в большом секрете и информацией о бандитах тоже особо не делились. Зато когда операция провалилась, в СМИ подняли такой хай, что хоть святых выноси. Там ведь не только убитые были – там и раненых была куча. Брат этой Ларисы был тяжело ранен, еле выкарабкался. Полковник ОМОНа получил серьезное ранение, да еще человек пять его подчиненных. Но обо всем этом я узнала из газет, а наши словно воды в рот набрали. Что там произошло все-таки, ты не знаешь?

– Бойня там была, – коротко ответил Ласточкин. На его скулах играли желваки. – А наши молчат, потому что похвастаться им нечем. Я говорил с ребятами, которые занимались этим делом. Засада была поставлена грамотно, все ближайшие дороги перекрыты, Германа Вострикова, который нес деньги, ни на мгновение не выпускали из виду. И несмотря ни на что, похитители убили его, забрали выкуп и скрылись, не получив ни единой царапины. Ты понимаешь, чем это пахнет?

– Понимаю, – уныло ответила я. – У них был осведомитель среди людей, которые знали об операции. Поэтому бандиты и сумели исчезнуть, не оставив «следа».

– Во-во, – кивнул Ласточкин. – А теперь прикинь, сколько народу знало об операции. Человек тридцать, не меньше. Здорово, правда? И что же, всех их проверять? Ну и как это сделать? «Простите, дорогой товарищ, вы случайно не слили секретную информацию о готовящейся засаде неким бандитам за кругленькую сумму денег?» Смешно.

– Но хоть какие-то зацепки у следствия есть? – спросила я.

– Никаких, Лиза, – ответил капитан. – То-то и оно, что никаких.

– Это тебе ребята так сказали? – поинтересовалась я.

– Ничего они мне не сказали, – с досадой отозвался Ласточкин. – Я просто увидел это по их лицам. Когда у опера есть нить, потянув за которую он может распутать весь клубочек, он выглядит совсем иначе, чем тот, у которого нет ничего, кроме догадок и предположений. – Паша поморщился. – Если бы хоть один из похищенных остался в живых... Но эти гады действовали грамотно. Всех возможных свидетелей они убивали, и это одна из основных причин того, почему у следствия до сих пор ничего нет.

В это мгновение рация испустила ужасающий предсмертный хрип, услышав который человек неподготовленный наверняка подскочил бы на месте. Но так как я уже бывалый опер, то я даже ухом не повела.

– Ласточкин, Синеокова, вы где?

– Уже на проспекте, а что?

– Разворачивайтесь. Только что был звонок: убийство возле дома номер пятнадцать по Ландышевому бульвару. Огнестрел. Похоже, работал киллер, так что вы там поосторожней. Жертва Михаил Кликушин, бизнесмен. Как поняли?

– Ландышевый бульвар, дом номер пятнадцать. Убийство с применением огнестрельного оружия.

– Вот и прекрасно. – Рация, пару раз хрипнув напоследок, окончательно издохла.

– Да, в самом деле прекрасно, – буркнул Ласточкин и всю дорогу до дома номер пятнадцать молчал, словно в рот воды набрав.

* * *

Человек лежит на асфальте, жалобно всхлипывая. Глаза безумные, налитые болью до краев. По лицу человека текут слезы. Он корчится и хватается руками за живот.

– А-а-а... Бо... же... Бо-оже мой...

Ласточкин затормозил так резко, что шины протестующе завизжали.

– Черт! Да он еще живой! «Скорую», «Скорую» вызвал кто-нибудь?

Пыльный двор, затененный липами. Угрюмый дом сталинской постройки – из тех, что считаются первоклассной недвижимостью и привлекают массу покупателей. Таких, как этот Михаил Кликушин, преуспевающий бизнесмен, который корчится сейчас на асфальте.

Любая драма непременно требует зрителей, и поэтому вокруг раненого медленно, но верно, как грозовая туча, сгущается толпа. Покамест она состоит из мальчика с щенком на поводке, накрашенной девицы, которая держится несколько в отдалении, небрежно дымя сигаретой, немолодой женщины с последней моделью айфона, старика с палочкой, парня в форме – вероятно, охранника подъезда – и еще одной женщины, которая мечется вокруг раненого. Ее движения бестолковы и беспомощны, но чувствуется, что из присутствующих только она одна принимает судьбу этого человека близко к сердцу. «Жена», – машинально соображаю я. Щенок мальчика вертит большой головой, отчего его уши смешно мотаются, встает на задние лапы и натягивает поводок.

– О, менты прибыли, – говорит ребенок.

У раненого, похоже, нет больше сил ни кричать, ни плакать. Он только тихо стонет, полужакрыв глаза.

– Полиция, – говорит мой напарник. – Пропустите...

Как-то очень умело он оттирает молодую женщину от тела и, присев на корточки, поднимает руку Кликушина и смотрит на заляпанный темными пятнами пиджак. Лицо капитана мрачнеет, когда он видит, куда угодили пули.

– «Скорую» вызвали? – спрашивает он очень громко.

– Десять минут назад, – отвечает за всех немолодая женщина с айфоном.

– Но он не может лежать здесь! – вскрикивает жена. По ее лицу текут слезы. – Его надо перенести куда-нибудь!

Ласточкин поднимается на ноги.

– Его нельзя трогать, – тихо и веско произносит он, глядя на обезумевшую от горя женщину сверху вниз.

Не подумайте, что мой напарник такой высокомерный. Просто у него рост метр восемьдесят пять, а у меня, соответственно, только метр шестьдесят три. Жена Кликушина лишь чуть повыше меня, хоть и носит высокие каблуки.

– Но ведь что-нибудь надо сделать! – кричит она. – Пожалуйста!

– Кто-нибудь видел, как это произошло? – спрашивает Ласточкин.

Как это ни странно, первым на его вопрос откликается ребенок.

– Я гулял с собакой поблизости и услышал выстрелы. Три, – уточняет мальчик. – Я сначала даже не понял, что произошло. Потом подошел сюда и увидел... Вот.

Я подхожу ближе. Точно, мальчик не солгал. Кликушин получил три пули в живот. Лицо его на глазах бледнеет, в углах рта пузырится слюна. Ласточкин, что с ним случается довольно редко, срывается:

– Ну где же эта ... «Скорая»?

Девушка с сигаретой, услышав ругательство, смотрит на капитана с откровенным интересом. Впрочем, и без сильных выражений в Ласточкине есть определенно на что посмотреть. Он высокий и симпатичный, со светлыми непокорными волосами, которые постоянно взъерошены. Если вокруг него не водят хоровод претендентки на его руку и сердце, то исключительно потому, что в наш меркантильный век дамы привыкли из всех достоинств оценивать прежде всего размеры банковского счета, а ум, порядочность, привлекательность и прочее расцениваются разве что как бонусы, приятные, но вовсе не обязательные. И тут мне в голову приходит любопытная мысль – интересно, а сильно бы Паша изменился, будь он богачом? Почему-то мне кажется, что нет, хотя я, разумеется, лицо сугубо пристрастное.

– Вы что-нибудь видели? – спрашивает Ласточкин у жены Кликушина.

– Какое это имеет значение? – Ее голос срывается на крик.

– Очень большое, если вы хотите, чтобы убийца был пойман, – довольно сухо отвечает Ласточкин.

– Я его видела, – вмешивается женщина с айфоном, похоже, самая разумная из всей группы. – Я живу на втором этаже.

– Хорошо, мы потом побеседуем с вами, – говорит Ласточкин.

– Небось опять какие-нибудь криминальные разборки, – подает голос старичок с палочкой. – Развели бандитизм!

Не обращая на него внимания, Ласточкин поворачивается к парню в форме.

– Вы, кажется, охранник?

Тот утвердительно кивает.

– Да, я тут, в подъезде... Слежу, короче.

– Видели, как это произошло?

Охранник явно растерян.

– Ну... Он вышел из дома, спустился по ступенькам...

– Он – это кто?

– Раненый. То есть тогда он был еще в порядке... А потом я услышал стрельбу.

– Из чего стреляли, нет сообщений?

Охранник думает.

– Мне показалось... Обычный пистолет, скорее всего, «макаров».

– Это вы на слух определили?

– Да. Я с разным оружием дело имел в своей жизни, так что более-менее разбираюсь. Звук уж больно знакомый был.

– А стрелявшего не видели?

Охранник качает головой.

– Нет. Когда я вышел из подъезда, никого уже во дворе не было.

Видно, что он смущен, и, в сущности, есть от чего. Яснее ясного, он не стал очертя голову бросаться наружу, когда услышал выстрелы, а сначала выждал некоторое время и показался во дворе только тогда, когда опасность миновала. Но прежде, чем ставить ему в упрек его поведение, стоит задуматься: обязан ли он рисковать своей жизнью из-за какого-то жильца? Вовсе не обязан. Так что претензии отпадают. Все прочее – на его собственной совести.

– Вас как зовут?

– Роман Марцевич.

– Ладно, мы еще с вами поговорим. В более спокойной обстановке. Лиза, собери-ка гильзы.

– Их тут только две, – говорю я, осторожно поднимая с асфальта драгоценные вещдоки и засовывая их в пакет.

Ласточкин мрачно смотрит на мальчика. Почему именно на него – не знаю, но факт остается фактом: тот, покраснев, достает из кармана третью гильзу, которую он стащил на память о волнующем приключении – убийстве, случившемся всего в нескольких шагах от него самого.

– Вот балда! – раздраженно говорит капитан, выхватив у него гильзу. – Там же могли остаться отпечатки!

Но тут, воя сиреной, во двор въезжает «Скорая помощь». Человек на асфальте скорчился и застыл в луже крови. Наперерез «Скорой» из узкой арки выскакивает иномарка помпезного вида. Она едва успевает увернуться от столкновения и уходит в сторону, колесом заехав на клумбу. Водитель «Скорой» высовывается в окно и высказывает водителю иномарки все, что он думает о нем, и его маме, и всех предках вплоть до десятого колена. Водитель иномарки, пижон из разряда тех людей, которые вечно куда-то спешат и поэтому считают, что все должны уступать им дорогу, тоже в долгу не остается. Толпа, обрадовавшись новому развлечению, принимает в нем посильное участие. Старик вопит и что есть силы колотит об асфальт палкой, щенок заливисто лает, а жена Кликушина заламывает руки и начинает истерически рыдать. Иномарка никак не может выехать из клумбы, а «Скорой» никак не удастся подъехать ближе к телу. Привлеченные шумом, во двор стекаются зеваки. Наконец Ласточкин, оттолкнув пижона, сам садится за руль иномарки, и она легко выскальзывает из клумбы. Дав задний ход, капитан врезается в стену дома. Пижон испускает долгий вибрирующий вопль и поднимает руки к голове, словно собираясь рвать на себе волосы. Раненый уже не двигается. Не выдержав, я нагибаюсь к нему и беру его за руку, ища пульс. Зрители меж тем увлеченно следят за перепалкой пижона и Ласточкина. Пижон клянется, что за свою драгоценную машину он устроит капитану несладкую жизнь. Ласточкин, которому этот придурок осточертел так, что и сказать невозможно, вынимает пистолет из кобуры, после чего пижон с невероятной скоростью прыгает за руль и смывается вместе со своей паршивой тачкой с покоренным бампером.

– Доктор, – раздается поблизости от меня горячий, прерывистый шепот, – ска... жите, я ведь не умру?

Я вздрагиваю. Раненый открыл глаза и с надеждой смотрит на меня.

– Я не... – начинаю я и тут же понимаю, что объяснения совершенно не нужны. – Все будет хорошо. Вы его видели?

Михаил Кликушин моргает.

– К... кого?

– Того, кто стрелял в вас. Вы его видели? Как он выглядел? Молодой?

– Д... да.

– Блондин? Брюнет?

– Н... не помню. – Он силится выдавить из себя улыбку. – Н... надо же, какое у вас сла... славное лицо...

К нам подсказывают санитары с носилками. Я отпускаю руку Кликушина и поднимаюсь на ноги. Тотчас на меня набрасывается Ласточкин:

– Ты с ним говорила? Что он тебе сказал?

– Киллер – молодой парень, – сказала я. – Больше он ничего не помнит. – Я оглянулась на раненого и понизила голос: – Как ты думаешь, он выкарабкается?

У меня такое ощущение, что я знаю ответ заранее, но мне все-таки хочется услышать его от самого Ласточкина. Он качает головой.

– Три пули в живот... Что ты, Лиза.

Кликушина уносят в машину «Скорой помощи». Дверцы захлопываются, и «Скорая», включив сирену, выезжает со двора. Только небольшая лужа крови на сером асфальте напоминает о происшедшем. Щенок обнюхивает ствол липы, после чего задирает лапу и делает свое дело. Старик с палочкой, еще побурчав немного о том, что развели бандитизм и жизни нет никакой, уходит. Девушка с сигаретой исчезла еще раньше. Во дворе остаемся только мы с Пашей Ласточкиным, охранник и две женщины. Немолодая поддерживает жену Кликушина за плечи, а та все плачет и никак не может опомниться.

– О, господи, – стонет она. – Как это ужасно... Как ужасно...

Ласточкин очень мягко заговаривает с ней. Объясняет о необходимости дать показания... Кто мог желать зла ее мужу? За что его пытались убить?

– Я не знаю... – бормочет молодая женщина. – Я... Мне нехорошо... Все как-то свалилось... совершенно неожиданно...

В дело вмешивается свидетельница со второго этажа.

– Эммочка, давайте я сначала побеседую с полицией, а вы пока отдохните немного. Может, и удастся что вспомнить.

Но молодая женщина упрямо качает головой.

– Я должна ехать к нему... В больницу... Пустите меня.

Ласточкин вмешивается, говорит, что в этом нет необходимости и что присутствие жены ничего не изменит. Наконец Эмма сдается на наши уговоры. Она до того измучена кошмарными событиями этого утра, что готова согласиться на все, что угодно, лишь бы ее оставили в покое. И тут Ласточкин принимает решение, которое, признаться, малость меня озадачивает.

– Лиза, я поговорю с Анной Петровной и Марцевичем, а ты поканими показания с Эммы Григорьевны. Хорошо? Потом я к тебе присоединюсь.

Мне не остается ничего другого, как выразить свое согласие, хотя, по правде говоря, я немного удивлена. Конечно, Анна Петровна – важный свидетель, она видела киллера, но мы, работающие в полиции, знаем, что на самом деле подобные показания мало что значат и, как правило, ничего не дают. Чаще всего это что-то вроде «я видел парня в коричневой куртке, а на вид ему лет тридцать, и волосы вроде светлые». Дело в том, что работники убийного фронта привыкли делать свое дело очень быстро, а за несколько секунд, хоть тресни, невозможно запомнить человека во всех подробностях. Так что из двоих женщин, которые представляли для нас интерес, жена Кликушина была куда важнее. Она могла дать нам намек, нить, мотив – ведь не может же быть такого, чтобы жена ничего не знала о делах своего мужа! Однако Ласточкин, опытный оперативник, себе взял менее перспективных свидетелей, а мне поручил допросить жену потерпевшего. Что ж, мне оставалось только доказать, что я достойна его доверия.

Глава 3. Очень непростые смертные

Оказалось, что семья Кликушиных жила на пятом этаже, куда мы с Эммой Григорьевной мгновенно вознеслись в бесшумном лифте. Старые дома лифтов, как известно, не предусматривали, и шахта для этого была лишь недавно пристроена снаружи фасада, придавая всему зданию какой-то нереальный, фантастический вид. Впечатляющей толщины железная дверь квартиры наводила на мысль, что за ней скрывался по меньшей мере филиал Алмазного фонда, и эти ожидания отчасти оправдались, как только мы переступили порог.

Попробую кратко описать мои впечатления. Все – строгое, выдержанное, невероятно красивое. Все – невероятно дорогое. Все говорит, кричит, во весь голос вопит о больших деньгах, которые обитают в этой квартире. Паркет – изумительный. Ковер – невероятной толщины и мягкости, льющийся к ногам. Мебель, похоже, была ровесницей французского короля Людовика XIV, хотя сразу же спешу оговориться, что в стилях мебели я не слишком разбираюсь.

Интересно, что должны были все эти утонченные кресла, диваны и шифоньерки думать про нынешних хозяев, после всех герцогов и графинь, которых им, возможно, довелось переживать на своем веку? Ласточкин, когда я позже озадачила его этим вопросом, лишь насмешливо хмыкнул.

– Однако, Лиза, ты становишься завзятой писательницей! Уверю тебя, ничего такого эти кресла и стулья не думали. В конце концов, все, что они могли видеть – это зады, а какая разница, принадлежит ли зад принцессе крови или жене олигарха? Абсолютно никакой!

Возможно, мой напарник был прав, и все же я готова была поклясться, что великолепное кресло слегка поежилось, когда я уселась в него, приготовившись к продолжительной беседе с Эммой Григорьевной. Сама хозяйка устроилась на диване напротив.

Поскольку я до сих пор не описала ее внешность, сообщаю, что передо мною сидела крашенная платиновая блондинка с длинными прямыми волосами и приятными чертами лица. Мужчина, вероятно, мог бы счесть ее красавицей, но я лишь нашла, что она довольно мила, не более того. Она терла пальцами виски и с мученическим видом косилась в угол.

– Мы не могли бы, – поспешно спросила она, когда я достала ручку, – поговорить как-нибудь потом? Просто я... у меня до сих пор в голове не укладывается все происшедшее.

На это я ответила дежурной и совершенно типичной в таких случаях фразой:

– Мне очень жаль, но нам придется поговорить именно сейчас. Таков порядок, и тут уж ничего не поделаешь.

– Ах так, – нерешительно протянула Эмма Григорьевна. И внезапно, без всякого перехода: – Простите, я могу позвонить Никите Болдыревскому? Дело в том, что... Это адвокат, друг мужа... Просто я никогда прежде не имела дела с полицией, и я... Я даже не знаю, с чего начать. – Она улыбнулась грустной улыбкой, которая тут же увяла, как герань, которую не поливали полгода.

По правде говоря, я заинтересовалась. И насторожилась. Жена жертвы демонстрировала явное желание уйти от разговора, который, очевидно, ее тяготил. Сначала она попыталась перенести беседу на потом, теперь жаждала укрыться за спиной адвоката. С чего бы это? Там, во дворе, когда она умоляла сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти ее мужа, она выглядела предельно искренней. Теперь в ней появились новые черты – осторожность и боязливость, – которые мне, признаться, не очень-то нравились. Что же до адвоката, то его появление обрадовало бы меня не больше, чем, скажем, обрадовало бы скупого рыцаря присутствие ловкого вора по соседству с его кубышкой. Ясно как день, что если этот Болдыревский прибудет на Ландышевский бульвар, он не даст своей знакомой даже рта открыть, и мне придется уйти несолоно хлебавши. Формально я не могла запретить Кликушиной вызывать кого бы то ни было, стало

быть, надо было действовать иначе. Я поступила так: придала лицу скучающее выражение и бросила выразительный взгляд на свои часы.

– Видите ли, у меня не так уж много времени, и в любом случае наш разговор – чистая формальность. Так что мы с вами побеседуем минут десять, а потом мне придется уйти, уж не обессудьте.

Но, судя по выражению ее лица, Эмма Кликушина вовсе не собиралась сердиться на меня за это. Наоборот, она заметно успокоилась, узнав, что беседа будет предельно краткой и поверхностной. И тут мой внутренний голос, этокое сыщицкое второе «я», вкрадчиво шепнул мне: почему? Ответ напрашивался сам собой. Она в курсе дел мужа, она знает, почему в него стреляли, но нам Эмма ни за что этого не скажет. Возможно, она не знает наверняка, но подозревает. Подозревает – и будет молчать. Теперь надо разговорить ее. Полегоньку, потихоньку, чтобы она и сама не заметила, в какой момент вопреки своему решению скажет мне правду. Кто я для нее? Всего лишь девушка из полиции, которая только что чуть ли не открытым текстом призналась, что ей нет никакого дела до того, кто и почему пытался убить Михаила Кликушина. Эмма решила, что опасность миновала, и немного расслабилась. Надо и дальше усыплять ее внимание, и, когда она расслабится окончательно, она проговорится. Потому что невозможно знать что-то и не выболтать это хоть раз в доверительной беседе.

... Отлично, значит, у нас будет доверительная беседа.

– Вы не скажете мне, как вас зовут?

– Кликушина Эмма Григорьевна.

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой.

– Да ну? – радостно воскликнула я. – Надо же, мы с вами ровесники! – Положим, это неправда, то есть не совсем правда, словом, обыкновенная ложь, но какая разница, в конце концов? Мои паспортные данные она все равно никогда не увидит. – А когда ваш день рождения?

Эмма заколебалась.

– Двадцать девятого февраля, – наконец созналась она.

– Вот это да! – проговорила я восхищенно. – Потрясающе!

– Ну, ничего хорошего в этом нет, – возразила Эмма с намеком на улыбку. – По-настоящему удастся отпраздновать день рождения только раз в четыре года, представляете? А в остальное время отмечать либо двадцать восьмого февраля, либо первого марта. Просто ужас какой-то!

– А я так не думаю, – заявила я. – Я читала где-то, что те, кто родился в этот день, очень талантливые и уникальные люди, и вообще, им всегда и во всем везет.

Эмма задумалась, очевидно, оценивая себя с этой точки зрения.

– Не знаю, – с сомнением проговорила она. – Правда, я тоже что-то такое читала, но я не слишком во все это верю.

– Почему? – притворно удивилась я. – Каждый человек хоть в чем-то талантлив, и каждый по-своему уникален. Разве не так?

– Конечно, – согласилась Эмма. – Ох! Вы не будете против, если я чего-нибудь выпью? Я до сих пор не могу опомниться от... от того, что произошло.

Так, мысленно возликовала я, контакт налажен. Если в твоём присутствии свидетель позволяет себе выпить, это значит, что он уже тебя не опасается. И потом, в состоянии подпития легче развязывается язык. Так что пейте, дорогая, не стесняйтесь. Попутного ветра!

– Делайте что хотите, – сказала я. – Только... Вас не затруднит налить и мне чашечку кофе? Дело в том, что я... – я выдавила из себя конфузливую улыбку. – Просто ваш муж был первым раненым, которого я увидела. Я ведь совсем недавно работаю.

В глазах Эммы вспыхнул огонек понимания. Страшная сыщица превратилась в обыкновенную дурочку, которая даже вида крови боится. Я сделала жалобное лицо.

– Сейчас я принесу нам чего-нибудь, – сказала Эмма, поднимаясь с места.

Стало быть, она и я уже «мы». Это местоимение о многом говорит. Нет, контакт точно налажен. Дело за немногим: выпытать, кто и отчего мог иметь на господина Кликушина зуб. Отчего-то мне все больше и больше казалось, что этот зуб был связан с его профессиональной деятельностью.

Эмма исчезла в направлении кухни, и как только она скрылась из поля зрения, на круглом столике истошно заверещал сотовый телефон. Повинуясь непреодолимому полицейскому импульсу, я схватила его, посмотрела на номер звонящего и быстро переписала его себе на чистый лист блокнота, после чего сбросила звонок и вернула аппарат на прежнее место. Когда Эмма вернулась, я с умным видом сидела на все том же антикварном кресле и смотрела в окно.

– Я принесла вам кофе, – сказала она.

Я сделала храбрую попытку покраснеть.

– Ой, мне так неловко утруждать вас... Спасибо, большое спасибо!

Эмма села на диван, закинула ногу за ногу и принялась тянуть из высокого бокала прозрачный напиток. Я притворилась, что пью кофе. Притворилась – потому что умный оперативник никогда не станет есть или пить в гостях у лица, хоть каким-то боком причастного к преступлению. История знает случаи, когда такие мирные посиделки заканчивались довольно-таки плачевным образом.

– Ну так что? – спросила Эмма, покончив со своим коктейлем. – Будем продолжать допрос?

– Это не допрос, – возразила я, – а просто сбор данных. Типа что за человек был ваш муж, чем он занимался, где работал и так далее.

Эмма кивнула, показывая, что она понимает суть дела.

– Мой муж, – сказала она, – торговал колготками.

Признаться, я немного опешила, и поэтому ничего более умного, чем «да?», мне в голову не пришло.

– Ну да, ну да, – нетерпеливо сказала Эмма. – Он возглавлял фирму «Ландельм», которая занималась ввозом колготок из Италии и других стран. Очень выгодное дело.

Готова поклясться, что так оно и было – судя по апартаментам, в которых я находилась.

– Вот и все, – с обезоруживающей улыбкой сказала Эмма.

Так что же получается, ее муж получил три пули в живот из-за того, что плохо торговал колготками? Что-то тут не сходилось.

– У вашего мужа были враги? – задала я стереотипный вопрос.

– Не думаю, – ответила она после секундного колебания. – По-моему, к нему все хорошо относились.

На стандартный вопрос – стандартный ответ. Один бог знает, сколько раз мне уже приходилось его выслушивать.

– Но ведь кто-то хотел его убить, – мягко напомнила я. – И потом, когда человек занимается бизнесом, он всегда наживает себе... конкурентов.

Глаза Эммы сузились.

– Я не была в курсе его дел, – холодно ответила она.

Так. Похоже, что моя тактика терпела крах. Стоило прикидываться сущей идиоткой и расточать любезности, чтобы в конце концов уткнуться в эту стену.

– А кто был в курсе? – чуть резче, чем следовало, спросила я.

Эмма раздраженно повела плечом.

– Юлиан Верховский, его заместитель.

– Возможно, нам придется с ним побеседовать, – сказала я. – Вы бы не могли дать нам его координаты?

– Пожалуйста. В рабочее время его можно застать в офисе «Ландельма». – Эмма продиктовала мне адрес. – А его телефон... Минуточку.

Она поднялась и вышла. Сотовый снова начал трезвонить. Я утихомирила его и убедилась, что звонил тот же самый человек. Через минуту Эмма вернулась, держа в пальцах роскошную визитку, и протянула ее мне.

– Скажите, Эмма, сколько вашему мужу лет?

– Тридцать один.

Странно, когда он лежал там, на заляпанном кровью асфальте, он показался мне чуть ли не стариком.

– Он не жаловался вам на какие-нибудь трудности? Не говорил, что ему угрожают?

– Да вроде нет...

– А это дело, которым он занимался, приносило хороший доход?

– Я уже сказала вам. Да, приносило!

– Тогда почему он был без охраны? Все-таки глава фирмы...

– Странно, что вы об этом упомянули, – сказала Эмма, поколебавшись.

– Почему?

– Дело в том, что его охранник сегодня не появился. Он должен был прийти, но не пришел.

Сердце мягко подпрыгнуло у меня в груди и тотчас же вернулось на прежнее место. Вот она, зацепка! Наконец-то!

– И вы молчали об этом? – набросилась я на Эмму Кликушину.

– А вы не спрашивали, – вполне логично ответила она.

Я схватила ручку.

– Как зовут охранника? Где он живет?

– Его зовут Дмитрий. Дмитрий Седельников, через «Е». Не СИдельников, а СЕдельников. Почему-то многие его фамилию норовят через «И» написать... Где он живет, я не знаю, но у мужа где-то должен быть его номер телефона. Принести?

– Да-да, обязательно!

На этот раз Эмма отсутствовала довольно долго. Наконец она вернулась и сокрушенно развела руками.

– Мне очень жаль, но... Я не смогла его найти.

Она прятала глаза. Было совершенно очевидно, что она лгала, но с какой целью? А что, если я заблуждалась и это было вовсе не циничное заказное убийство, на какие мы успели насмотреться, а дело с куда более тонкой подкладкой? Ясно одно: отсутствие охранника именно в то утро, когда стреляли в его босса, выглядело чрезвычайно подозрительно. А то, что жена жертвы, по-видимому, его покрывает, делает подозрительной фигурой и ее саму.

– Давно этот Седельников охраняет вашего мужа?

– Ой, я и не помню. Где-то года полтора, наверное.

– А другие охранники у вашего мужа были?

– Нет.

– А еще какие-нибудь люди? Личный водитель, например?

– Нет, мой муж любил водить автомобиль сам и никому его не доверял. Вообще-то у нас четыре машины, знаете. Миша очень любил технику...

Она и сама не заметила, как стала говорить о своем муже в прошедшем времени. Но почему она солгала насчет охранника? В этом кроется что-то таинственное, и я на всякий случай делаю закладку в памяти.

Я отрываю уголок листка и пишу на нем телефон и свое имя.

– Если вы что-то вспомните...

– Да-да, конечно.

– Любую мелочь, которая может помочь следствию. Да, и вот еще что. Вас наверняка вызовут еще раз – давать показания.

– Но я ведь уже рассказала вам все, что знаю, – произносит она с явным раздражением.

– Верно. Но дело в том, что мы – непроцессуальные лица. Мы только собираем информацию, а следствие ведет следователь, которого назначает Следственный комитет.

– Вот как? Что ж... Хорошо.

И я покидаю негостеприимный дом, в котором поселилась смерть, а выражаясь проще – продираюсь по вязкому ковру к двери под укоризненными взглядами висящих на стенах портретов. Впрочем, возможно, что никаких портретов там на самом деле не было, а их просто-напросто придумала моя фантазия. Вы же сами знаете, писателям не всегда можно доверять.

Глава 4. Большие маневры

Когда я спустилась во двор, Паша Ласточкин сидел в машине, поджидая меня. Судя по его замкнутому, хмурому лицу, ничего существенного у Анны Петровны и охранника выведать не удалось. На месте преступления уже работала следственная группа, и от мощной вспышки аппарата нашего фотографа начинало рябить в глазах.

– Садись, – кивнул мне капитан.

Я забралась на переднее сиденье и подробно рассказала Ласточкину о результатах допроса. Капитан слушал меня, не перебивая.

– По-моему, я наделала кучу ошибок, – призналась я под конец. – Пыталась расположить Эмму Кликушину к себе, но из этого ничего не вышло. Вот если бы ты был со мной...

– Спокойно, Лизавета, спокойно, – проворчал Ласточкин. – Все, что надо, ты узнала. Первое: покойный занимался бизнесом. Второе: у него совершенно не было врагов. Третье: его охранник не вышел на работу именно тогда, когда на босса произошло покушение. Наводит на размышления, ты не находишь? Четвертое: мадам Кликушина не пожелала дать тебе координаты охранника. Это уже второй любопытный факт. Твои предположения?

Я пожала плечами.

– Возможно, она вышла замуж только для того, чтобы поскорее овдоветь. С этой целью она вступила в сговор с охранником и с убийцей, а в дальнейшем, возможно, попытается сделать охранника козлом отпущения. Но ведь ты сам, капитан, учил меня не делать поспешных выводов.

– Так или иначе мадам Кликушину мы берем на заметку, – подытожил Ласточкин. – Что еще?

Я рассказала ему о двух звонках на мобильный. Ласточкин нахмурился.

– Э, нет, Лиза, так не годится. У нас с тобой служба, а не мыльная опера, которую по телевизору показывают. Мало ли кто мог звонить Кликушиной на сотовый! Маникюрша, мать, подружка, наконец. Нет, это просто несерьезно!

– Однако номер я на всякий случай записала, – упорствовала я. – Взгляни-ка, он ничего тебе не напоминает?

Капитан бросил взгляд на листок моего блокнота и тяжело вздохнул.

– Как ни странно, напоминает, – признался он.

– И что же именно? – с замиранием сердца спросила я.

– Лиза, – укоризненно сказал Ласточкин, – это номер больницы, в которую увезли Кликушина. Пять минут назад я связался с ними и узнал, что бизнесмена только что доставили к ним, но это ничего не меняет. Он умер в машине «Скорой помощи», не приходя в сознание. Именно поэтому они так настойчиво пытались связаться с его женой.

Честно говоря, я почувствовала себя пристыженной. Не говоря ни слова, я убрала блокнот.

– Что же будем делать? – спросила я.

Ласточкин протянул руку и завел двигатель.

– Навестим господина Верховского, зама покойного Михаила Кликушина. Побеседуем по душам, авось что и всплывет.

– Паша, – внезапно спросила я, когда мы уже катили по проспекту на восток Москвы, где помещался офис фирмы «Ландельм», – а ты-то сам что думаешь об этом деле?

Ласточкин едва заметно поморщился.

– Признаться, есть в нем несколько моментов, которые меня настораживают, – проговорил он после небольшой паузы.

– Да? – спросила я. – Какие именно?

– Колготки, – ответил он.

– А? – Я озадаченно уставилась на него.

– Лиза, – вздохнул мой напарник, – торговля колготками – это не нефть и не банковский бизнес. Вот я и думаю: можно ли из-за такого смешного, в сущности, товара пришить человека?

– В нашей стране всякое возможно, – довольно обтекаемо отозвалась я.

– Это верно, – охотно согласился Ласточкин. – Тем более что из твоего посещения квартиры этого господина следует, что он был неприлично богат. Стало быть, торговля велась на широкую ногу. Стало быть – но это пока лишь теоретически – его могли замочить из-за каких-то его дел. Что бы его женушка ни утверждала.

– Принято, – сказала я.

– Кроме того, есть еще один момент, который меня беспокоит, – добавил Ласточкин. – Три пули в живот.

– Об этом я не подумала, – ответила я после паузы.

– Если стрелял профессиональный киллер, то почему не было контрольного выстрела? Почему все пули попали именно в живот, не в грудь или в голову? Это тоже довольно странно.

Только тут я вспомнила, что Ласточкин ничего мне не рассказал о результатах своей беседы с Анной Петровной.

– Свидетельница сказала что-нибудь ценное? – спросила я.

– То же, что и всегда, – проворчал Ласточкин. – Она находилась у своего окна, когда заметила Кликушина. Он выходил из подъезда и, судя по всему, очень спешил. В это мгновение из-за дерева вышел человек. Анна Петровна думает, что он был скорее молодой, чем старый. Одет в джинсы и серую майку с капюшоном, а может, и не майку, а что-то типа джемпера. Волосы вроде темные, никаких особых примет она не заметила. Незнакомец вынул что-то из кармана, потом это «что-то» грохнуло два или три раза, и Кликушин упал. Тот человек выскочил на улицу и скрылся. Потом Кликушин закричал «Помогите», из подъезда к нему выбежал охранник, который следит за домом. Анна Петровна тоже поспешила вниз, прихватив с собой сотовый. Она вызвала «Скорую» и полицию, а охранник поднялся вверх и сообщил жене Кликушина, что с ее мужем произошло несчастье. Вот и все.

– Негусто, – сказала я.

– Еще бы, – усмехнулся Ласточкин. – На первый взгляд – обычная заказуха. На второй уже нечто непонятное. Жена, как ты говоришь, чего-то темнит. Охранник куда-то исчез. Совпадение? Мне что-то не верится.

– Надо разыскать охранника, – решительно сказала я.

– После того, как побеседуем с Юлианом Верховским, – отозвался Ласточкин и прибавил скорость.

Торговая фирма «Ландельм» занимала второй этаж круглого и довольно симпатичного на вид здания, в котором, помимо нее, располагалась контора какого-то банка. Внизу у мониторов скучали два охранника. Ласточкин предъявил им документы и объяснил цель нашего визита. Один из охранников с кем-то переговорил по внутреннему телефону, и минут через пять в вестибюль спустилось воздушное создание в голубом костюмчике и голубых же туфельках на каблуках. Выглядело создание точь-в-точь как ожившая нарядная куколка, которую только что распаковали и вынули из коробки. Левый ее глаз чуть заметно косил, она очаровательно картавила и распространяла вокруг себя аромат тончайших духов. Почему-то я поймала себя на мысли, что смотрю на нее без особой приязни. Это было странно, потому что она произнесла всего четыре фразы:

– Это вы приехали из полиции? Боже, как интересно! Прошу за мной, Юлиан Валентинович вас примет, как только освободится.

Она поправила выбившийся из прически непокорный локон, стрельнула глазами в сторону Ласточкина и направилась к лифту. Нам с капитаном ничего не оставалось, как последовать за ней.

Мы поднялись на второй этаж и прошли мимо вереницы белых дверей, за которыми звонили телефоны, шуршали бумаги и вообще вовсю кипела офисная жизнь. На стенах висели рекламные плакаты, призывавшие покупать колготки той или иной фирмы. Самым запоминающимся был слоган: «Колготки вашей мечты: помните, что мечты сбываются! Мечтайте на всю катушку!»

Секретарша время от времени оборачивалась, проверяя наличие наших персон в своем фарватере, словно мы могли удрать в какой-нибудь плакат и затаиться там среди тощих цыплячьих ножек рекламных прелестниц. Наконец коридор закончился. Секретарша ввела нас в приемную, где у окна в огромной кадке тосковало по родине целое экзотическое дерево с темно-зелеными жесткими листьями. Сквозь приотворенную дверь до нас доносились обрывки разговора, который вел приятный баритон с невидимым телефонным собеседником.

– Подождите секундочку, – шепнула куколка и удалилась.

Через пару минут она вернулась и пригласила нас войти. Мы переступили порог кабинета Юлиана Валентиновича Верховского и оказались в самом обыкновенном помещении размером примерно пять на восемь метров. Стол завален брошюрами, бумагами и документацией, на другом столе, поставленном перпендикулярно к нему, стоит компьютер, а у стены примостился на подставке светящийся аквариум с рыбками. Помимо рыбок, к обитателям кабинета можно было причислить и господина, язык не повернется назвать его товарищем, средних лет, плавно переходящих в преклонные. У него были пронизательные голубые глаза, светлые жидкие волосы, тонкие губы и костюм цвета сушеной жабы. Над высоким лбом красовались довольно-таки обширные залысины, нижние веки набрякли. Тонкие пальцы нервно крутили дорожку ручку.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Юлиан Верховский. – Алина сказала мне... Чем я могу быть вам полезен?

Капитан сел на стул с вертящимся сиденьем. Я последовала его примеру.

– Мне очень жаль, что приходится отрывать вас от работы, – промолвил капитан, – но иначе нельзя. Дело в том, что с вашим боссом, господином Кликушиным, случилось несчастье. Его убили.

– Как?! – воскликнул Верховский настолько нарочитым тоном, что у меня, во всяком случае, не осталось сомнений, что нечто подобное он считал вполне вероятным и потому новость, объявленная капитаном, не свалилась на него подобно кирпичу с ясного неба. – Но почему? Как это могло случиться?

– Вот это мы и хотели бы узнать у вас, – промолвил Ласточкин, улыбаясь младенческой улыбкой. – Дело в том, что это заказное убийство, а в девяноста девяти процентах случаев подоплека заказных убийств одна: деньги. А поскольку господин Кликушин был бизнесменом...

Вы, знающие, что мой напарник всего пару минут назад выражал веские сомнения в том, что убийство Кликушина было заказным, вольны обвинять Ласточкина в лицемерии, подтасовке фактов и наглой лжи. Но дело в том, что наши сограждане так устроены, что идут на контакт с полицией с крайней неохотой. Надо признать, у них для этого достаточно оснований. Практически в любой газете можно найти материал о коррупции, взяточничестве и продажности правоохранительных органов, и, разумеется, эта информация не прибавляет нам популярности. Будем откровенны: доверия к полиции в нашем обществе нет никакого, и это очень сильно усложняет нам самые простые задачи – такие, к примеру, как опрос обыкновенных свидетелей. Поэтому мы и вынуждены идти на всяческие ухищрения, чтобы разговорить их. Собственно говоря, в наших методах нет ничего такого, что бы уже с успехом не применялось

раньше. Испокон веков сыщики делают вид, что они знают то, о чем только догадываются, и догадываются о том, чего знать в принципе не могут.

Версия, предложенная Ласточкиным, косвенно ставила под удар и самого Юлиана Валентиновича, и именно поэтому последний не мог оставаться в стороне. Конечно, вероятность того, что он скажет нам правду, была ничтожной, однако возможности открыто лгать он тоже был лишен, ведь в делах об убийствах обычно замешано множество людей, и каждый факт по несколько раз проверяется. Поэтому Ласточкин с понятным любопытством ожидал, что же сообщит нам этот представительный господин в зеленоватом костюме. Теперь, честно говоря, этот костюм напоминал мне жабу, болеющую желтухой.

– Но я, честное слово, не знаю, что вам сказать, – жалобно промолвил первый зам. Такие фразы на языке оперов означают, что свидетель пытается выиграть время, чтобы собраться с мыслями. – Наша фирма абсолютно легальная, уверяю вас! Мы исправно платим налоги...

– Да мы, собственно, и не думали, что киллера к вашему шефу подослали налоговые органы, – ответил Ласточкин, и в его глазах блеснул колючий огонек. – Скажите, у покойного в последнее время не было каких-нибудь серьезных столкновений с людьми, которых он мог бы опасаться? Никто не угрожал ему?

– Если и угрожал, мне ничего об этом не известно, – поспешно промолвил Верховский. – Бедный Миша! Какое это горе для его жены – потерять такого мужа!

– Ну, а вы сами? – внезапно спросил Ласточкин. – Вам самому никто не угрожал?

Юлиан Валентинович вздрогнул.

– С какой стати? – спросил он нервно.

– Это простой вопрос, – вкрадчиво отозвался Ласточкин. – Расскажите мне, пожалуйста, о телохранителе Михаила Кликушина. Вы его знали? Что он за человек?

– Ну, я вообще-то знал его плохо, – протянул первый зам. – Видите ли, он был Мишиным охранником, а не моим.

– Как его звали? – спросил Ласточкин. – Я имею в виду охранника.

– Митя, – подумав, ответил Верховский. – Дмитрий то есть. А фамилию его я не знаю.

– Как он выглядит? – спросил Ласточкин.

– Вы разве не видели его? – удивился Верховский. – Ну, довольно высокий, лет тридцать или около того.

– Цвет волос, цвет глаз не помните?

– Волосы темные, насколько я помню. А что?

– Может, вы знаете его адрес или телефон?

Юлиан Валентинович сдвинул брови.

– Адрес нет, а вот телефон... Погодите минуточку. Номер его мобильного у меня есть совершенно точно, потому что мне часто приходилось звонить, узнавать, где Миша. – Верховский пролистнул страницы своего органайзера. – Вот! Нашел...

Юлиан Валентинович продиктовал номер, и Ласточкин его записал.

– Стало быть, – подытожил мой напарник, – по-вашему, Кликушина могли убить из-за чего угодно, только не из-за бизнеса. Я прав?

– Вы абсолютно правильно поняли мою мысль, – самодовольно заметил Верховский. – Не скрою, дела у нас идут хорошо, мы никого не топили и никому не перебежали дорогу. Да и потом, колготки – такой товар, который всегда нужен. Уверяю вас, масса фирм занимается их продажей, и до сих пор мне не приходилось слышать ни о каких серьезных разборках в этой области.

Ласточкин прищурился.

– Какое совпадение, мне тоже, – буркнул он. – Еще один вопрос, Юлиан Валентинович. Вы знакомы с женой Кликушина?

– С Эммочкой? – удивился Верховский. – Ну конечно же, я ее знаю. А что?

– Как по-вашему, – спросил Ласточкин, – ее словам можно доверять?

– Каким словам? – насторожился Верховский.

– Видите ли, – объяснил Ласточкин, – у Эммы Григорьевны есть некие подозрения...

Внезапно он замолчал, словно спохватившись, что и так сказал слишком много.

– Какие еще подозрения? – Верховский нервным движением поправил узел галстука.

– О, – с двусмысленным смешком отозвался Ласточкин, – очень любопытные подозрения, знаете ли. Очень!

И тут с Верховским произошла разительная перемена. Внешне это был все тот же человек, улыбчивый, вежливый, хорошо одетый, но что-то в нем появилось совершенно иное. Нижняя челюсть выдалась вперед, глаза забегали. Первый зам почувал опасность, но не знал, в чем конкретно она выражается. Я была готова поспорить, что даже губы у него пересохли.

– Э-э... – проблеял он. – Я, право же, не понимаю... – Он сконфуженно хихикнул. – А почему, собственно...

– Видите ли, – снисходительно объяснил Ласточкин, – она уверена, как и вы, что дела мужа не имеют к его смерти никакого отношения. Она считает, что у Кликушина была какая-то женщина, которая якобы его и заказала. Но на наши вопросы о том, кем эта женщина была, Эмма Григорьевна отвечать отказалась и вообще вела себя довольно странно. Поэтому я и спросил у вас, можно ли доверять ее словам.

– Ах, вот оно что. – Первый зам бледно улыбнулся и дернул шеей. – Да нет, это все глупости! Насколько я знал Мишу, у него была идеальная семья и в Эммочке он души не чаял.

– Мы тоже так подумали, – отозвался Ласточкин, поднимаясь с места. – Что ж, большое спасибо вам за то, что уделили нам немного своего драгоценного времени. На всякий случай запишите мой рабочий телефон, вдруг что вспомните. Сами знаете, в жизни разное бывает.

Юлиан Валентинович механически кивнул, негнущейся рукой раскрыл органайзер и записал рабочий телефон и фамилию капитана.

– Всего доброго, – сказал Ласточкин и мимо светящегося аквариума проследовал к выходу. За ним безгласной тенью двинулась и я.

Глава 5. Мобильник – друг человека

– Видела? – спросил Ласточкин, когда мы покинули автостоянку и выехали на шоссе.
– Ага, – сказала я в восхищении. – Ну ты и молодец, Паша!
– Стоило мне только намекнуть, что жена покойника что-то такое сказала, как товарищ сразу же задергался, – сказал Ласточкин. – Вывод?

– Что-то с этой фирмой не так, – сказала я. – Чего-то он темнит.

– Ага, – сказал Ласточкин. – А теперь давай-ка, Лиза, позвони Дмитрию Седельникову. Я достала мобильный телефон.

– Что мне сказать?

– Если он ответит, проверещи: «Это ты, Ваня? Ой, извините!» и отключайся. В общем, знаешь сама.

Я набрала номер, который нам дал зам, но никто не отвечал, кроме противного голоса робота, который заученно повторял, что абонент находится вне зоны досягаемости или отключил аппарат.

– Ничего? – спросил Ласточкин.

– Ничего, – честно ответила я.

– Вот и хорошо, – одобрил мой напарник. – Значит, мы на верном пути.

– Будем искать охранника? – спросила я.

– Однозначно, Лизавета. Хотя что-то мне подсказывает, что он сам либо находится вне зоны нашей досягаемости, либо его отключили.

– Ага, – согласилась я и полезла за своим блокнотом.

– Ты что? – спросил капитан, видя, что я не убираю сотовый.

– Хочу позвонить, – призналась я. – В больницу.

– Зачем?

– Затем, что время не сходится. Первый раз сотовый Кликушиной зазвонил минут через пять после того, как я вошла в квартиру. А ты говорил, что сумел добиться сведений о Кликушине незадолго до того, как я из квартиры вышла. А в квартире я пробыла не меньше 40 минут.

Ласточкин был настолько ошарашен, что чуть не врезался в хвост едущей впереди машины.

– Молодец, – сказал он, когда обрел дар речи. – Звони. Ну и осел же я!

– Такие мелочи, – самодовольно ответила я, – способна заметить только женщина. – И я набрала номер. – Алло! Простите, вы мне звонили на сотовый примерно часа полтора назад. Да... Что? Я сказала, что это какая-то ошибка и я его не знаю? Видите ли, я была занята, меня отвлекли... Не могли бы вы повторить еще раз его приметы? Так. От двадцати восьми до тридцати трех лет, темные волосы, шрам ниже левого локтя... Значит, никаких документов? Только визитная карточка с телефоном Эм... с моим телефоном? О, черт... Теперь я поняла, кто это. Я к вам сейчас приеду! – И я отключилась. – Ласточкин, – сказала я, поворачиваясь к моему напарнику, – дуем в больницу. Рано утром к ним доставили человека в тяжелом состоянии. Два пулевых ранения, легкое пробито. Он в коме. Никаких документов при нем не было обнаружено, только в кармане нашли на визитке номер мобильного Эммы Кликушиной. Поэтому они и пытались дозвониться до нее. Полчаса назад им это удалось, но она заявила, что никого с такими приметами не знает, и бросила трубку. Ну, а мы-то с тобой знаем, кто это, верно? Едем!

– Сдается мне, что Дмитрий Седельников нашелся, – проронил Ласточкин. – Ну-ка, врубим музыку! – Он включил сирену, под истошный вой которой мы понеслись быстрее ветра по восхитительной, разомлевшей от тепла Москве.

* * *

Да, это лето выдалось жарким. За одно утро мы видим уже третье тело. Первое дождалось нас в квартире известного актера, второй – состоятельный бизнесмен – был застрелен возле собственного дома, и вот теперь – этот парень в реанимации.

«Кома», – сказал немолодой серьезный врач, согласившийся побеседовать с нами.

– Какие у него шансы?

Врач пожал плечами. Нет, он был честен, этот седоволосый человек с усталым взглядом. Не стал морочить нам голову словами про «индивидуальные особенности организма» и тому подобное.

– Это знает только Бог, – ответил он.

В темноволосого парня стреляли два раза. Первая пуля ударила в мобильник и разнесла его на части. Вторая пробила грудную клетку. Раненый лежал в скверике, истекая кровью, и не мог даже позвать на помощь. Обнаружили его только в пятом часу утра. Ни денег, ни сотового, ни документов при нем не оказалось. Возможно, пользуясь беспомощностью раненого, их забрали бомжи, а возможно, тут постарался киллер. Единственное, что нашли в карманах, визитку с написанным от руки номером личного сотового телефона Эммы.

– Где пули, которые вы вытащили из него? – спросил Ласточкин.

Врач удивленно приподнял брови.

– Их забрали ваши коллеги из районного отделения полиции, на территории которого был найден этот человек.

– Не помните, как их зовут?

Врач нахмурился.

– Минуточку... Один из них немного заикается.

– Капитан Колесников?

– Да, именно так его и звали.

– Спасибо.

– Да не за что. – Врач немного колебался. – Так вы не узнали, как зовут этого человека? Мы должны все-таки поставить в известность его родственников.

– Мы предполагаем, – медленно промолвил Ласточкин, – что его зовут Дмитрий Седельников, и он был охранником у Михаила Кликушина, который сегодня не доехал до операционного стола.

– А, криминальные разборки, – довольно вяло промолвил врач. – Ясно.

Дверь приотворилась, и в проеме показалось лицо медсестры в марлевой повязке.

– Максим Арнольдович, только что привезли... После аварии. В третьей операционной...

– Извините, – сказал врач, – мне пора идти.

Он кивнул нам и вышел вместе с медсестрой. Темноволосый человек за стеклом, опутанный проводами и какими-то трубками, по-прежнему лежал неподвижно. Ласточкин потер подбородок и прошелся взад-вперед.

– Любопытно, – наконец произнес он. – Ты не находишь?

– Нет, – сказала я честно. – Сначала киллер подстерег охранника и застрелил его. После этого он на следующее утро спокойно убил Михаила Кликушина и исчез.

– Я о визитке с номером сотового, – терпеливо пояснил Ласточкин. – И о более чем странной реакции мадам Кликушиной на звонок из больницы. В конце концов, вряд ли она могла не понять, что речь идет об охраннике ее мужа.

Я мгновение подумала.

– Ты считаешь, что он был не просто охранником? Ведь свой номер сотового кому попало не дают, это очень личный телефон. Думаешь, у Кликушиной с Седельниковым был роман? А какое отношение это имеет к смерти Кликушина?

– Еще не знаю, – честно признался Ласточкин. – Больше всего мне не дает покоя странная реакция господина Верховского на мой намек о том, что Эмма нам что-то выболтала. Ты заметила, что с ним произошло? Он просто запаниковал!

– Что будем делать, капитан? – спросила я.

– Установим адрес Седельникова и позвоним Колесникову. – Ласточкин поморщился. – Ах да, надо ведь еще отчет написать. По убитому актеру, для Стаса.

– Значит, возвращаемся в отделение?.. – начала я, но тут из коридора до нас донеслись шаги и голоса.

Ласточкин насторожился. Прежде чем я успела понять, что происходит, он схватил меня в охапку и затащил в угол, в закуток между входной дверью и каким-то шкафом. Капитан прижал палец к губам, показывая, что сейчас стоит помолчать, но я уже и так сообразила, что к чему, и согласно кивнула головой. Дверь растворилась, почти целиком закрыв нас своей створкой, и в помещение просочилась дама в элегантном костюме цвета персика, с платочком и стеганой сумочкой на цепочке. Даму под локоть поддерживал господин в очках, с широкими плечами и волосами, расчесанными на идеальный пробор. До меня долетел его приглушенный голос:

– И совершенно необязательно было идти сюда!

– Прошу вас, Никита, – сказала дама знакомым голосом Эммы Григорьевны.

Я насторожилась. После этих слов наступила довольно продолжительная пауза.

– Это он? – спросил наконец широкоплечий.

– Да, это Седельников.

– Но откуда у них оказался ваш номер?

– Они объяснили, что он был записан на какой-то бумажке, которую они нашли в его кармане. Никита, я... Я оказалась в ужасном положении.

– Само собой, – буркнул недовольный Никита. – Но хуже всего, если этот охранник придет в себя и начнет направо и налево рассказывать о ваших с ним взаимоотношениях.

– Но между нами ничего не было! – возмутилась Эмма Григорьевна. – То есть почти ничего.

– В данном случае это совершенно несущественно, – безжалостно оборвал ее спутник. – Запомните, дорогая: в девяноста девяти случаях из ста, когда совершается убийство, под подозрение первым делом попадает жена жертвы, у которой есть любовник.

– Ах, какие ужасы вы говорите! – пролепетала Эмма. – Не пугайте меня, Никита, прошу вас! Вы же знаете, я ни на кого не могу положиться, кроме вас.

– Хотя, конечно, – смягчился Никита, – может, охранник вообще никогда не придет в себя. Кома – такая штука...

– И не говорите, – жалобно сказала Эмма. – Ужасно, просто ужасно! Интересно, а нельзя ли его как-нибудь отключить? Чтобы он не мучился, – поспешно добавила она. – Как подумаю о том, что этот несчастный чувствует, у меня просто душа не на месте!

– Отключить? – поразился ее спутник. – Дорогая, но ведь это убийство!

– Я не знаю, – забормотала Эмма, – просто не знаю. Все это так сложно, Никита...

Ласточкин оттолкнул меня и вышел из закутка, в котором мы прятались.

– Что ж, Эмуля, – спросил он голосом, который не сулил решительно ничего хорошего, – замыслиаем очередное убийство?

Вдова Кликушина издала приглушенный визг и шарахнулась назад. Широкоплечий Никита, наоборот, подался вперед.

– Позвольте, но это просто неслыханно! Какая она вам «Эмуля», в конце концов?

– Спокойно, адвокат, – отозвался капитан. – Мы с госпожой Кликушиной старые знакомые. Правда, тогда, когда я с ней познакомился, ее звали Эммой Григорьевной Шараповой. Родилась двадцать девятого февраля одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, арестована в две тысячи девятом по подозрению в убийстве. А мне выпала честь надевать на нее наручники.

– Что вы мелете? – заволновалась Эмма. – Какое еще убийство?

– Его звали Андрей Разенков, и он был вашим хорошим знакомым. Вы пожаловались вашему ухажеру Владиславу Крапивкину, что Разенков не дает вам проходу, и он, недолго думая, убил парня. Вам повезло, что Крапивкин взял всю вину на себя, потому что в нашем УК есть статья о подстрекательстве к убийству. А на самом деле этот Разенков знать вас не желал, и вы ему так отомстили.

Не говоря ни слова, Никита Болдыревский переводил взгляд с лица капитана на красную Эмму Кликушину и обратно.

– Я ни о чем подобном не знал, – произнес он с расстановкой. – Правда, Эмма Григорьевна мне как-то намекнула, что однажды ее арестовали менты и, чтобы отличиться, подбросили ей наркотики. Но...

– Да соврала она вам, адвокат, – отмахнулся Ласточкин. – Ее арестовывали только один раз в жизни, и по какому обвинению – я вам сказал.

«Так вот почему ты не пожелал сегодня утром идти допрашивать Кликушину, а отрядил меня», – подумала я. Ласточкин просто опасался, что она могла узнать его, и тогда беседа бы точно сорвалась.

– Никита, – жалобно промолвила Эмма, и голосок ее предательски дрогнул, – неужели вы будете стоять и слушать, как меня оскорбляют?

Болдыревский кашлянул. Было видно, что он находится в затруднительном положении.

– Прошу прощения, но в любом случае Эмма Григорьевна – мой друг и, более того, моя клиентка. Должен вас предупредить, если вы попытаетесь использовать ей во вред слова, которые она опрометчиво тут произнесла...

– Вообще это гадко, – встряла Эмма. Она воспрянула духом, поняв, что адвокат, несмотря ни на что, все еще находится на ее стороне. – Они подслушивали!

– Вы не имели права этого делать, – заявил Болдыревский.

– Да ну? – иронически осведомился Ласточкин. – Насколько я помню, никому не возбраняется слышать разговоры, которые при нем ведутся.

– Это наглая провокация, – продолжал адвокат, очевидно, не желая сдавать свои позиции. – Совершенно неслыханная! Кстати, должен вам сообщить, что, если Эмму Григорьевну вызовут для дачи показаний, говорить она будет только в моем присутствии. Мне прекрасно известно, господа, как вы в вашем учреждении умеете проводить допросы. – Он воинственно вздернул подбородок.

– А мне известно, – заметил Ласточкин в пространство, – что есть женщины, которые выходят замуж только для того, чтобы поскорее овдоветь.

Эмма Григорьевна ахнула и прикрыла рот ладошкой.

– Это что же, обвинение или ваше личное предвзятое мнение? – холодно осведомился адвокат.

– Ну, не я один так думаю, – скромно ответил мой напарник.

Вообще-то он имел в виду меня, но Эмма Григорьевна истолковала его слова совершенно по-другому.

– Какая мерзость! Боже, какая мерзость! Это что же, вам Верховский все это наплел? Ласточкин прищурился.

– Откуда вам известно, что я говорил с Юлианом Валентиновичем?

– Он сам позвонил мне и... Нет, каков фрукт, в самом деле! Сам крутил с моим мужем делишки всякие, а...

Она умолкла, словно только сейчас заметив, что сболтнула лишнего.

– И что же это были за делишки такие? – осведомился капитан, дернув щекой.

Эмма выпрямилась и обожгла его презрительным взглядом.

– Вас они не касаются! – Она повернулась и, поправив цепочку сумочки, двинулась к выходу. Вслед за ней последовал и адвокат. У порога он все же обернулся и бросил нам:

– Я бы на вашем месте все-таки хорошенько подумал бы сначала, прежде чем бросаться подобными обвинениями. Сами знаете, чем это может обернуться.

– Да ладно тебе, Никита, – почти беззлобно отмахнулся Паша. – Ты, главное, гонорар натурой не бери.

Адвокат побагровел, буркнул нечто ругательное и скрылся за дверью. Ласточкин повернулся ко мне.

– Извини, Лиза. Я должен был сразу же предупредить тебя насчет этой дамочки. Зря я так долго темнил.

– Да ладно тебе, – сказала я. – Время уже второй час. Пошли лучше перекусим чего-нибудь. Только надо предупредить охрану, чтобы приглядывали за реанимационным отделением. Мало ли что...

Ласточкин кивнул и покосился на неподвижно лежащего Дмитрия. Но тот витал где-то в совершенно другом мире, и презренные земные дела его не касались.

– Надо еще Колесникову позвонить, – напомнил капитан. – И установить координаты Седельникова. Где он жил и всякое такое.

Однако ничего этого мы сделать не успели, потому что, как только мы сели в машину, оказалось, что нас ждет новый вызов.

Глава 6. Дама без попугая

– Сбесились они все, что ли? – проворчал Ласточкин, продираясь сквозь запутанный лабиринт улиц в этой части города.

Его раздражение вполне можно понять. Лето – не сезон убийств. На это время года приходится наибольшая часть краж, но вот убийств, как правило, совершается в Москве куда меньше, чем обычно. Объясняется это тем, что многие жители столицы в это время уходят в отпуска и уезжают на отдых. С одной стороны, беспризорные квартиры представляют лакомый кусочек для воров, с другой – в столице в это время заметно убывает население, и, как следствие, кривая убийств резко падает вниз.

– Ты записала адрес? – спросил Ласточкин.

– Так точно. Да нам этот дом уже известен. Помнишь, тот самый, откуда в прошлом месяце был ложный вызов?

Ласточкин хмыкнул и невольно рассмеялся. Я тоже рассмеялась, потому что забыть такую историю было невозможно.

В конце июня к нам в отделение явилась растрепанная девица и поведала ужасную историю. Девицу звали Маша Олейникова, а ее подруга, Настя Караваева, жила в нашем районе. До недавнего времени девушки созванивались каждый день, но примерно неделю назад Настя внезапно перестала отвечать на звонки. Маша примчалась в дом к подруге, долго и тщетно звонила и барабанила в дверь, но ей – Маше, разумеется, а не двери – никто не отвечал...

В этом месте своего рассказа Маша разразилась рыданиями и заявила, что с ее любимой подругой наверняка случилось нечто ужасное. Может быть, у бедной Насти произошел сердечный приступ, и она лежит на полу, холодная и окоченевшая? Может быть, в квартиру забрался вор, убил спящую хозяйку и бежал? Неужели родная полиция откажется принять необходимые меры, чтобы спасти бедную Настю? Ведь так страшно подумать, что она осталась там совершенно одна и ей никто, совершенно никто не может помочь!

Ласточкин выслушал слезливую просительницу с непроницаемым лицом.

– Скажите, – спросил он, когда вконец обессиленная Маша умолкла, – у вашей подруги очень слабое сердце?

Маша возмущилась и заявила, что не понимает, какое это отношение имеет к делу, и что вообще Настя – самый здоровый человек на свете.

– Так, – протянул Ласточкин. – Еще вопрос. На каком этаже живет ваша подруга?

Выяснилось, что на четвертом.

– А замок у нее какой?

– Я не знаю, – нерешительно протянула Маша. – Дело в том, что у нее железная дверь и...

– Тогда до свидания, – сказал Ласточкин. – Ничего с вашей подругой не могло случиться.

Маша с негодованием объявила ему, что он бессердечный эгоист и что вообще в полиции служат одни бесчувственные чурбаны, после чего прямоком отправилась к нашему начальнику, полковнику Тихомирову. У полковника она потребовала две вещи: во-первых, незамедлительно уволить нас и, во-вторых, спасти ее ненаглядную подружку.

В общем, она допекала нашего шефа до тех пор, пока он, совершенно озверев, не вызвал нас с Ласточкиным и не приказал нам отправиться на улицу Мозжухина, дом девять, чтобы только эта ненормальная наконец от него отвязалась.

Уважив приказ начальства, мы прибыли в означенный дом и обнаружили, что мамзель Караваева жила за железной дверью такой толщины, что ее не пробил бы и артиллерийский снаряд. Как мы открывали эту дверь – это отдельная история, да что там история – целая эпическая поэма, а то и драма. Ибо, когда дверь наконец дрогнула под нашим напором и мы – я, Ласточкин, ненормальная и двое наших коллег, которые помогали вскрывать дверь, – вва-

лились в квартиру, навстречу нам выскочила злобная особа в коротенькой ночной рубашке и с помощью отборного мата осведомилась, какого дьявола мы делаем на ее территории и кто, мать вашу за ноги, позволил нам ломать ее дверь, которая обошлась ей черт знает во сколько денег!!!

– Ой, Настенька! – пролепетала струхнувшая ненормальная. – Так ты живая? А я думала... Мне показалось... Я думала, у тебя что случилось!

Настенька открыла рот.

– А, это ты, паршивая прилипала! – были ее первые слова, когда она заметила лучшую подружку. – Спасения от тебя нет! Какого черта тебе от меня понадобилось?

– Но ты не отвечала на мои звонки! – стонала прилипала, прижимаясь спиной к стене. – Я к тебе приходила на днях, звонила в дверь, а ты не открыла!

Настя Караваева топнула ногой.

– Потому что ты мне осточертела, гнусная подлиза! Вот! Ясно тебе?

– Настенька, ну что же ты сердисься? – заискивающе спрашивала подлиза. – Я тебе билетки достала... На концерт, куда ты хотела пойти...

Настенька посоветовала засунуть эти билетки в такое место, которое в литературных произведениях обычно не упоминается, после чего переключилась на нас.

Мы сломали ее дверь! Дверь, которая стоила черт знает сколько денег! Как мы смели, в самом деле? И кто, интересно, ей будет ставить новую?

– Я полагаю, ваша подружка, – ответил Ласточкин с присущей ему находчивостью. – Прошу вас обратить ваше внимание на то, что это она нас вызвала.

– Но зачем? – в изнеможении спросила Настенька, и в это мгновение из комнаты вылетела темная тень, тяжело хлопая крыльями. Я шарахнулась, но это оказался всего лишь громадный попугай какого-то необыкновенного лилового оттенка.

– Ой, Флинтик! – взвизгнула Маша тоном преувеличенного восторга. – Здравствуй, дружок!

– Не смей трогать мою птицу! – цыкнула на нее Настя. Попугай сел на тумбу и покосился на меня круглым желтым глазом.

– Лапочка! – заискивающе шепнула Маша и протянула руку, чтобы его погладить.

– Отвяжись, подлиза! – совершенно отчетливо произнес попугай голосом Насти.

– Видите ли, – говорил меж тем Ласточкин хозяйке квартиры, – ваша... гм... подруга решила, что раз вы не отвечаете на ее звонки, с вами что-то случилось. Может, вам стало плохо или вас убили...

Настя с негодованием фыркнула.

– И вы послушались эту безмозглую дуру? – спросила она. – Вы что, не видите, кто она?

– Душечка, – спросила подлиза нежно, – ты немножко не в настроении, да?

Настя побагровела.

– Убирайся вон! – закричала она страшным голосом. – Вон, и чтобы духу твоего здесь не было! Поняла? И вы тоже! Вон отсюда, все! Иначе я не знаю, что с вами сделаю! Я полицию вызову!

Само собой, мы поспешили выполнить желание хозяйки квартиры и быстренько ретировались. Маша сделала попытку задержаться, но в конце концов и ей пришлось покинуть квартиру. Мне показалось, что вслед ей на площадку вышвырнули какой-то тяжелый предмет, но, возможно, это только моя фантазия.

– Приехали, – сказал Ласточкин. – Мозжухина, дом девять. Какая квартира-то?

– Тридцать семь, – ответила я.

Только с опозданием я сообразила, что сморозила страшную глупость. Ласточкин, сделавшись клюквенно-красным, медленно повернулся ко мне.

– Лиза, ты что, издеваешься? Это же квартира Караваевой!

* * *

Мы поднимались по широченной старинной лестнице с огромными маршами. Дом, очевидно, был построен еще при последнем императоре, и лифта в нем предусмотрено не было.

– Ну, – шипел капитан, шагавший впереди, – если и на этот раз ложный вызов... если эта чокнутая опять нам удружила... я не знаю, что с ней сделаю. Просто не знаю!

Мы добрались до четвертого этажа. Ласточкин перевел дух и нажал кнопку звонка. К нашему удивлению, дверь тотчас же растворилась. На пороге стоял смертельно бледный и, судя по всему, смертельно перепуганный человек.

– Слава богу, вы приехали! Входите, пожалуйста... Она там, в комнате...

Сразу посерьезнев, Ласточкин перешагнул порог.

– Она мертва? – быстро спросил он. – Вы ее трогали?

Человек в отчаянии заломил руки.

– Нет, я... Я не смог.

Ласточкин кивнул и двинулся вперед. Я шла следом за ним, машинально отмечая про себя детали обстановки. Высоченные потолки с лепниной, сверкающие хрустальные люстры. Мебель – ровесница Серебряного века, не меньше. На стенах – несколько картин, но не из числа тех, от которых способно затрепыхаться в груди сердце коллекционера. Моя мама, за которой с недавних пор стал ухаживать эксперт по западноевропейской живописи, пренебрежительно называет такие полотна «раскрашенными фотографиями», и я с ней согласна. Однако в этой квартире они смотрелись уютно и вполне органично. Сад, морской пейзаж, вид кремлевских башен, нарисованный в начале двадцатого века. Часы на стене важно тикали, а наискосок от них, на ковре, ногами к окну лежала Анастасия Караваева. Ее глаза были широко открыты, зубы оскалены. В жизни это была симпатичная молодая женщина с продолговатым лицом и светлыми кудрями. Теперь мало кто рискнул бы назвать ее симпатичной. Ласточкин осторожно дотронулся до ее руки.

– Уже окоченела, – констатировал он. – Она мертва со вчерашнего дня, не меньше. Зарезана ножом или, во всяком случае, каким-то острым предметом, которым ее ударили несколько раз. – Он махнул мне рукой. – Вызывай бригаду, Лиза, тут есть для них работа.

Через несколько минут в квартире номер тридцать семь закипает жизнь. Фотограф снимает место преступления, судмедэксперт осматривает тело, а эксперт-криминалист ищет следы, которые могут помочь нам понять, за что и каким образом была убита дама с попугаем.

– Поразительно, – говорит Сергей Кромвель, фотограф, который всегда умудряется остеречь с неподвижным лицом. – Куда Ласточкин ни заявится, там непременно появляется труп! Я полагаю, давно пора обратить на это внимание компетентных органов!

– Точно подмечено! – смеется эксперт-криминалист Самохвалов.

Сам Ласточкин меж тем ведет допрос мужчины, который обнаружил труп и вызвал полицию. Его зовут Антон Игоревич Илларионов, и он является женихом Насти Караваевой. Антон работает в международной фирме и прошлую неделю провел в Италии – был в командировке. Вернувшись, он открыл дверь своим ключом и почти сразу же наткнулся на труп.

– Я сразу же позвонил в полицию, – говорит он.

– И правильно сделали, – произносит Ласточкин. – Я бы хотел попросить вас об услуге. Осмотрите вещи и проверьте, что пропало.

– Думаете, это убийство с целью ограбления? – с дрожью в голосе спрашивает Илларионов. – Но...

– Что?

Илларионов пожимает плечами.

– Дверь! Она новая, железная. Мы поставили новую дверь незадолго до моего отъезда в Италию. Представляете, ее придурковатая подружка, с которой Настя рассорилась, вызвала к ней ментов, и эти уроды сломали старую дверь.

Ласточкин нервно чешет щеку.

– И? – сухо спрашивает он.

– Да-да, – торопится Антон, – я же еще не сказал. Так вот, ключи были только у меня и у Насти. Как же вор мог забраться сюда?

Ласточкин нахмурился.

– Помнится, когда мы вошли, форточка была приоткрыта, – говорит он. – Но с этим мы разберемся. Я прошу вас все-таки осмотреть вещи. У вашей невесты было что-нибудь ценное?

– А как же, – с готовностью отвечает Илларионов. – Деньги, бриллиантовые украшения, меха... Много чего. Идемте...

Мы вернулись в гостиную, где произошло убийство. Тело уже увезли, и все же Илларионов чуть ли не на цыпочках обошел темное пятно на ковре, где лежала бедная Настя. Теперь она и впрямь была «бедной Настей».

– Вот... – Илларионов открыл шкафчик и достал из него шкатулку. – Здесь должны быть ее бриллианты. Видите? Все на месте.

– Проверьте прочие ценности, – лаконично распоряжается Ласточкин и поворачивается к Самохвалову: – Леша! С комнатой закончил?

– Йес, босс. Нарыл кучу отпечатков, кстати.

– Зарой их обратно и осмотри замок на входной двери.

– Наш девиз – доставлять удовольствие клиенту, – отозвался Самохвалов и, подмигнув мне, подхватил с пола свой чемоданчик и отправился обследовать дверь.

Между тем Илларионов перевернул ящики в шкафу, извлек на свет божий кредитные карточки и пачки наличных в долларах и евро, пересчитал меховые манто и объявил, что ничего не пропало. Ласточкин нахмурился.

– Значит, это убийство не с целью ограбления, – буркнул он.

– Я же вам говорил, – с удовлетворением заметил жених Насти.

Капитан кивнул мне.

– Дуй к Самохвалову. Что там насчет двери?

Я вернулась буквально через минуту и доложила, что Самохвалов дает на отсечение голову – разумеется, не свою, а мою, – что дверь никто не взламывал и что ее могли открыть только изнутри либо своим ключом.

– Значит, – подытожил Ласточкин, – либо она знала убийцу в лицо и сама впустила его, либо у него был свой ключ, с помощью которого он сумел войти в квартиру.

– А окно? – напомнила я.

Капитан улыбнулся и махнул рукой.

– Я упомянул о нем просто так, для проформы. На самом деле в форточку на четвертом этаже никто не заберется.

Илларионов задумчиво почесал подбородок.

– Но вы знаете, у меня всё же такое впечатление, что чего-то не хватает.

Ласточкин прищурился.

– Чего же именно? – с расстановкой спросил он.

– Нет, это не то, что вы думаете, – ответил Илларионов. – Деньги и драгоценности на месте. Компьютер тоже, и ноутбук, и планшет...

– А картины? – спросила я.

– И картины тоже все на месте. Нет, я не об этом. Я не могу понять... Ну да, конечно же! – Он наклонился и подобрал с пола маленькое фиолетовое перо.

– Что такое? – насторожился Ласточкин.

– Флинт! Куда он мог пропасть?
– Вы это о попугае? – поинтересовалась я.
– Ну да. Но откуда... – Он умолк и вытаращил глаза.
– Дело в том, – со смешком сказал Ласточкин, – что мы и были теми уродами, которых вызвала эта чокнутая Олейникова. Значит, попугай исчез?
– Да, – сокрушенно сознался Илларионов.
– Больше ничего не пропало?
– Абсолютно ничего. Я уверен в этом! В конце концов, я постоянно бываю в этой квартире.

Мы с Ласточкиным переглянулись.

– И все-таки, – мягко промолвил мой напарник, – я не думаю, что кто-то пожелал убить вашу невесту из-за попугая.

– Флинт очень дорого стоит, – с оскорбленным видом заметил Илларионов. – Это я подарил его Насте на день рождения. Вы знаете, такие попугаи, как Флинт, встречаются крайне редко. Во-первых, он совершенно особой породы. А во-вторых, это было такое умное существо, что вы и представить себе не можете! Обычно попугаев считают глупыми птицами, но Флинт...

Ласточкин досадливо поморщился.

– Вы не хотите меня выслушать, – мягко перебил он славословия Илларионова по адресу подаренного им попугая. – Я хочу сказать, что вашу невесту убили не с целью ограбления и, разумеется, не из-за какого-то попугая, который, скорее всего, просто-напросто вылетел в форточку. А убил вашу невесту кто-то из знакомых ей людей, которого она не побоялась впустить в свой дом. Поэтому мы сейчас с вами сядем, и вы расскажете мне все, что вы знаете о ее друзьях и знакомых. – Тут он заметил меня. – Синеокова! Неси сюда сотовый жертвы или сотовые – все, что найдешь. – Ласточкин повернулся к раздавленному его сообщением Илларионову. – А вы, Антон Игоревич, пожалуйста, разыщите для нас записную книжку вашей невесты, ее органайзер, ежедневник – то, куда она заносила свои контакты. Уверю вас, такие мелочи иногда очень сильно облегчают нам поиски убийцы.

Глава 7. Опасные связи

Человек так устроен, что ему куда легче принять версию о том, что его знакомого убил кто-то посторонний, скажем, забравшийся в квартиру вор, чем согласиться с тем, что убийцей был другой знакомый. Поэтому в реакции Илларионова на сообщение Ласточкина не было ничего необычного – для нас, разумеется.

Сначала Антон Игоревич заявил:

– Нет. Уверяю вас, вы заблуждаетесь!

Затем нам пришлось – уже второй раз за этот день – выслушать хвалебную тираду по поводу жертвы, которая была созданием прямо-таки немыслимой безупречности, чистейшей прелести чистейшим образцом и так далее. Поэтому просто немыслимо было даже допустить предположение о том, что кто-то из ее друзей вдруг вознамерился лишить ее жизни.

– Однако ее все-таки убили, – вернул капитан на землю заговорившегося жениха. – И раз ничего, абсолютно ничего из имеющихся у дамы ценностей не пропало, мы вправе все-таки предположить, что убийство было совершено по причинам личного порядка. Разве не так?

Антон Игоревич нахмурился.

– Может, ее зарезал какой-нибудь ненормальный? – в порыве вдохновения предположил он. – Ну, знаете, есть ведь такие люди, которые ходят по домам и продают всякую чепуху.

– Допустим, – подозрительно легко согласился Ласточкин. – Скажите, у покойной была привычка открывать дверь незнакомым людям?

– Э... Вообще-то нет.

– И потом, вы не обратили внимания на самое главное, – добил его Ласточкин. – Покойная была одета явно для встречи с каким-то человеком. Она сделала себе прическу и тщательно накрашилась.

– Возможно, вы и правы, – без особого энтузиазма согласился жених.

– Так что, – продолжал Ласточкин, щуря глаза, – мы возвращаемся к вечному в таких случаях вопросу, а именно: были ли у вашей невесты враги? Мог ли кто-то желать ей смерти?

– Я не понимаю, – забормотал жених, – почему вам обязательно надо рассматривать все в таком ракурсе... В конце концов, мы все-таки приличные люди, а не уголовники!

Ласточкин тяжело вздохнул. Оценка умственных способностей Антона Илларионова настолько явно читалась на его лице, что не требовала никаких комментариев.

– Ладно, – сказал капитан. – Начнем с самого начала. – Он раскрыл блокнот. – Фамилия, имя, отчество потерпевшей?

– Настя... Ой, простите, Караваева Анастасия Александровна.

– Возраст?

– Двадцать три года.

Лично я дала бы ей не меньше тридцати, но, как оказалось, ошиблась бы почти на десяток.

– Год рождения?

– Одна тысяча девятьсот девяносто.

– Место работы?

Илларионов замялся.

– Видите ли, Настя не работала. У нее имелись свои средства.

– Откуда? – безжалостно осведомился Ласточкин.

– Не подумайте ничего такого, – обиделся Илларионов. – Ее дедушка по материнской линии был академиком и оставил ей приличные деньги.

– Да?

– Да. А ее дедушка по другой линии, кстати, был самым настоящим графом, но всю жизнь скрывал это. У его семьи был в Петербурге целый особняк на Английской набережной. Разумеется, в революцию особняк отняли, а отца дедушки еще и расстреляли. Кое-что, впрочем, семье удалось спасти, и они перебрались сюда, в Москву.

Вот оно, значит, что. Так вот почему мебель в комнатах выглядела так естественно, не как у современных нуворишей, где она нередко кажется неуместной и только режет глаз. Все это были фамильные вещи, передаваемые из поколения в поколение. Вещи, которые срослись с этой семьей и стали ее частью.

Ласточкин записал данные Илларионова.

– Вы прилетели из Италии этим утром?

– Да.

– Билет у вас остался?

– Да-да, конечно!

– И загранпаспорт тоже покажите.

Капитан изучил билет и загранпаспорт жениха. В романе, разумеется, в конце концов выяснилось бы, что человек, первым обнаруживший тело, солгал относительно времени своего появления в Москве, однако и билет, и штамп в паспорте неопровержимо свидетельствовали, что Илларионов не лжет. Алиби у него было железобетонное.

– Теперь я вне подозрений, надеюсь? – иронически осведомился жених, получив обратно свои бумаги.

– Извините, таков порядок, – отозвался Ласточкин. – Теперь давайте искать органайзер жертвы, или ежедневник, или файл в компьютере – словом, нечто, куда она записывала свой распорядок дня. С кем она собиралась встречаться, и так далее.

– У нее был ежедневник, – заметил Антон.

– Прекрасно, так давайте искать ежедневник. Вы не знаете, где он может находиться?

– Кажется, знаю, – сказал Илларионов.

Он поднялся с места и открыл один из ящичков комода. Внутри оказались дамские прокладки. Илларионов, покраснев, выдвинул другой ящик. Там лежали презервативы на все вкусы. В конце концов ежедневник обнаружился среди кружевных трусиков в самом верхнем ящичке. Я тем временем отправилась разыскивать телефоны, которыми пользовалась жертва. Сотовых нашлось аж целых два, а к ним в придачу – аппарат стационарного телефона, стилизованный под двадцатые годы, но при этом с новейшим автоответчиком.

– Нашла, – объявила я, вернувшись к напарнику. – Два мобильного, а на автоответчике точно есть какие-то записи.

– Два мобильного? – удивился Илларионов. – Насколько я помню, у Насти был только один.

– Может, купила новую модель? – спросила я. – Многие сейчас так делают.

Ласточкин включил автоответчик, а сам стал, хмурясь, листать ежедневник.

«Здравствуйте! Мне очень жаль, но вам не повезло. Похоже, что меня нет дома. Говорите после звукового сигнала или перезвоните мне попозже, я всегда буду рада побеседовать с вами. Всегда ваша Настя».

Би-ип!

«Настенька, – говорит взволнованный голос с придыханием, явно принадлежащий мужчине, – мне обязательно надо встретиться с вами! Я недавно перевел Рембо, это что-то фантастическое! Вы обязательно должны выслушать это! Приходите, я вас жду!»

Ласточкин нажал на паузу.

– Кто это?

– Владимир Берестов. – Жених скривился. – Поэт, – прибавил он с легким оттенком презрения в голосе. – Иногда пробует переводить, но ничего у него не выходит. Кстати, его стихи тоже порядочная дрянь.

– А-а, – протянул капитан. – А вы их читали?

– Нет, зачем мне это? – искренне удивился Илларионов.

Ласточкин подмигнул мне.

– Поехали дальше, – сказал он, нажимая на клавишу.

«Настюша, – залепетал сюсюкающий мужской голос, – я звоню вам, просто чтобы сказать, какая вы поразительная! Я никогда не забуду эту ночь! Если вам что-нибудь надо, только дайте мне знать. Я все, все для вас сделаю!»

– Так, – сказал Ласточкин со скучающим видом. – А это кто?

– Наверное, Артем Новоселов, друг детства, – нерешительно промолвил жених. – По голосу вроде он. Только обычно он выражается куда более спокойно.

– А что это за ночь он имеет в виду? – спросил Ласточкин как бы между прочим.

– Наверное, они вместе ходили на дискотеку, – предположил Илларионов. Но в тоне его совершенно не было убежденности в этом.

– Дальше, – сказал Ласточкин.

На этот раз говорила женщина. Голос показался мне знакомым.

«Настя, это я! Как я рада, что ты больше на меня не сердишься! Я пригласила Сережу на вечеринку, ты не против? Я уверена, вы с ним подружитесь! Он такой милый! Настя, я тут в одном бутике видела платье с орхидеями, как раз такое, как ты искала! Точь-в-точь как в журнале!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.